Шестой Дозор

Автор:
Сергей Лукьяненко

Шестой Дозор

Сергей Васильевич Лукьяненко

Дозоры #6

Это последняя история о Светлом маге Антоне Городецком.

Сергей Лукьяненко

Шестой Дозор

© С.В. Лукьяненко, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Данный текст обязателен для прочтения силами Света.

Ночной Дозор

Данный текст обязателен для прочтения силами Тьмы.

Дневной Дозор

Пролог

Пятнадцать лет – это большой срок.

За пятнадцать лет человек успевает родиться, потом учится ходить, говорить и пользоваться компьютером, потом – еще читать, считать и пользоваться унитазом, совсем потом – драться и влюбляться. А в завершение порой производит на свет новых людей или отправляет во тьму старых.

За пятнадцать лет убийцы проходят все круги ада в тюрьмах для особо опасных преступников – и выходят на свободу. Иногда – без капли тьмы в душе. Иногда – без капли света.

За пятнадцать лет самый обычный человек несколько раз радикально меняет свою жизнь. Уходит из семьи и заводит новую. Меняет две-три-четыре работы. Богатеет и становится нищим. Посещает Конго, где занимается контрабандой алмазов, – или селится в заброшенной деревушке в Псковской области и начинает разводить коз. Спивается, получает второе высшее образование, становится буддистом, начинает принимать наркотики, обучается пилотировать самолет, едет в Киев на Майдан, где получает дубинкой по лбу, после чего уходит в монастырь.

В общем, много чего может случиться за пятнадцать лет.

Если ты человек.

…Впрочем, если ты девочка пятнадцати лет от роду – то ты твердо знаешь, что ничего интересного с тобой не происходило.

Ну почти совсем ничего.

Оля Ялова, если бы кто-то сумел поговорить с ней по душам (еще лет пять назад это получилось бы у мамы, года три назад – у бабушки, но сейчас – ни у кого), рассказала бы про себя три интересные вещи.

Первая – как же она ненавидит свои имя и фамилию!

Оля Ялова! Нарочно не придумаешь!

В детстве ее дразнили «Оля-Яло», как девочек из старого-престарого детского фильма. Но это еще было ничего. В конце концов, фильм был хороший (по мнению семилетней Оли), на тех девочек-близняшек она даже немного походила. Оля-Яло? Ну и прекрасно.

А вот классе в четвертом кто-то из одноклассников… ну да уж, «кто-то»… хорошо, когда ты уже в десять лет – красавчик, блондин, отличник, родители богатые и тебя обожают, а фамилия твоя – Соколов… так вот, кто-то из одноклассников решает посмотреть в Интернете, какая фамилия что значит…

И ты узнаешь, что «Ялова» – это всего лишь корова без теленка. Бесплодная корова. И «бесплодная корова» становится твоим прозвищем с четвертого по шестой класс. Иногда сокращаясь до «коровы», иногда даже до «бэ-ка». И от обиды и слез ты начинаешь сидеть дома, читать книжки и лопать чай с печеньем – пока и в самом деле не обретаешь фигуру «коровы»…

Второе, что было главным в жизни Оли Яловой (или Оли-Яло, как она себя мысленно называла), – это хоккей. Настоящий хоккей с шайбой. Женский. Ну или девичий – в секцию она пошла совершенно случайно, когда однажды ей вдруг приснился мерзавец Соколов, перед которым она почему-то стоит совершенно голая, и красавчик Соколов (к тринадцати годам он стал высоким и уж совсем неприлично красивым мальчишкой) морщится, закрывает ладонью глаза и цедит сквозь зубы: «Корова…»

То ли время пришло, то ли хоккей был именно тем, что требовалось, – но весь лишний жир стек с Оли за полгода, а через год – в четырнадцать – она была звездой юношеской сборной России.

И внезапно оказалось, что под пухлыми щеками и толстыми бедрами пряталась высокая (к пятнадцати Оля перегнала всех в классе, а тренер, оглядев ее, мрачно сказал: «В баскетбол не отпущу!»), крепкая (ситуация-то была шутейная, ну, дурацкий спор вышел… но Оля и сама не заметила, как уронила двух одноклассников – и те, сидя на полу, испуганно смотрели на нее и боялись

встать) девушка (именно девушка – выходя из душа, Оля бросала на себя взгляд в зеркало и улыбалась, потому что знала – никакой дурачок, чьего имени она и знать не хочет, при виде ее не зажмурится).

А третье, что было в жизни Оли главным, только должно было случиться. Засунув руки в карманы (был мороз, а перчатки надевать не хотелось), Оля шла мимо Олимпийского стадиона, за которым высились недостроенные минареты главной городской мечети, мимо небольшой православной церкви. Был ранний вечер, фонари горели вовсю, но народу на улицах было не много, несмотря на центр города. Отвыкла Москва от настоящих русских морозов, всего-то минус пятнадцать – а все разбегаются по домам или прячутся в машины…

Вот сейчас через улочку, в подземный переход, на другую сторону проспекта Мира. Там по переулку, где грохочут на путях трамваи, в высотный жилой дом с массивным стилобатом (три года запойного чтения книг не прошли даром, оставив в голове у Оли массу случайных слов и знаний). В этом доме жил мерзавец Соколов. Красавчик Соколов. Ее, и только ее, Олежка Соколов!

Они встречались уже полгода, но этого никто не знал. Ни в школе, ни в спортивной секции. И мама с бабушкой тоже не знали.

Как-то уж слишком долго Оля Ялова и Олег Соколов враждовали.

Но теперь… нет, не теперь… завтра Оля ничего скрывать уже не собиралась. Завтра они придут с Олегом в школу вместе.

Потому что сегодня она останется у него ночевать. Родители Олега в отъезде. Бабушка и мама уверены, что Оля после тренировки останется у подруги.

А она останется у Олега.

Они уже все решили. Раньше они только целовались… ну… в общем, тот вечер на последнем ряду в кино не считается, хоть Олег и дал волю рукам…

Теперь все будет серьезно. Им уже по пятнадцать лет, кому сказать, что еще не занимался сексом, – позор! Засмеют! Допустим, девчонки из команды не занимались, но у них просто времени и сил нет. А в школе сейчас столько

занятий… Но вообще-то в пятнадцать лет девственников и девственниц практически нет.

Это Оля знала точно, потому что прочитала об этом в Интернете, а три года запойного чтения дают не только лишние знания, но и излишнюю веру в печатное слово.

Где-то в глубине души (которая сейчас, вероятно, пряталась в животе) у Оли бился маленький холодный страх. И даже сомнение.

Олежка ей нравился. И целоваться с ним было здорово. И обниматься. И… и хотелось большего. Она прекрасно знала, как все бывает… как должно быть… ну Интернет же…

И в общем-то Оле этого хотелось.

Она только не могла понять – сейчас или потом? С Олегом или с кем-то другим? Но она уже пообещала прийти. А Оля Ялова не любила нарушать свои обещания.

…Переулок встретил ее холодным ветром, дующим со стороны трех вокзалов, и неожиданной тьмой. Неожиданной, потому что горели фонари, светились окна жилых домов, вывески магазинов. Но их свет почему-то не разгонял тьму – крошечные огоньки зависли в ночи, яркие, но беспомощные, будто далекие звезды в небе.

Оля даже остановилась на миг. Оглянулась.

Ну что за чушь? Ей идти – три минуты. А если бежать – то одну. И у нее рост метр семьдесят пять, а мышцы получше, чем у многих парней. Она в центре Москвы, времени – семь часов вечера, вокруг полно людей, возвращающихся домой.

Чего она боится? Да она просто к Олегу идти боится! Она не хозяйка своего слова. Наобещала – и испугалась, как маленькая девочка. А она взрослая женщина… почти уже взрослая… почти уже женщина…

Оля поправила вязаную шапочку с помпоном, перекинула через плечо поудобнее спортивную сумку (полотенце, чистые трусики и пачка женских прокладок – Оля

подозревала, что завтра они ей понадобятся) и ускорила шаг.

* * *

…Младший лейтенант полиции Дмитрий Пастухов был не на службе. Он был даже не в форме, когда, подняв руку, ловил такси на углу Протопоповского и Астраханского переулков. Причины, почему в этот час Дима Пастухов был здесь, могли бы расстроить его жену, поэтому мы не будем вдаваться в детали. В защиту Димы можно сказать только то, что в руке у него был пакет, в котором лежала коробка конфет «Рафаэлло» и букет цветов из торгового автомата, купленные рядом, в дешевом супермаркете «Билла».

Цветы и конфеты Дима дарил жене не часто, раз-два в год. Что в данном случае, как ни странно, служит извиняющим фактором.

– Какие пятьсот? – темпераментно торговался Дима. – Да триста – красная цена!

– Ты на бензин цены знаешь? – так же темпераментно отвечал водитель-южанин из-за руля потрепанного «форда». Несмотря на очень нерусскую внешность, речь у него была чистой и интеллигентной. – Вызови официальное такси – никто дешевле не повезет!

– Я потому и ловлю частника, – пояснил Дима. Вообще-то он был морально готов на пятьсот рублей – ехать было не близко, но привычка требовала поторговаться.

– Четыреста, – решил южанин.

– А поехали, – сказал Дима и, перед тем как нырнуть в машину, окинул взглядом улицу. Просто так.

Девочка стояла шагах в пяти. Покачиваясь и глядя на Диму.

Вообще-то девчонка была высокой, фигуристой, в полумраке сошла бы и за взрослую женщину, но сейчас свет фонаря падал ей прямо на лицо – а лицо было совсем детским.

Девочка была без шапки, волосы растрепаны. Из глаз у нее катились слезы. Шея была окровавлена. Нейлоновая горнолыжная курточка была чистой, а вот на светло-голубых джинсах тоже проступали потеки крови.

Пастухов бросил пакет и букет на сиденье и кинулся к девочке. За спиной у него затейливо выматерился водитель, тоже увидавший девчонку.

– Что с тобой? – закричал Пастухов, хватая девочку за плечи. – Ты как? Где он?

Почему-то он не сомневался, что девочка сейчас покажет, «где он», и он догонит этого козла, и задержит, и в процессе задержания, если повезет, что-нибудь ему сломает или отобьет.

Но девочка тихо спросила:

– Вы полицейский, да?

Пастухов, который толком не осознавал отсутствие на нем формы, кивнул:

– Да. Да, конечно! Где он?

– Увезите меня, мне холодно, – жалобно попросила девочка. – Увезите меня, пожалуйста.

Насильника рядом не было. Водитель выбрался из-за руля, достав откуда-то бейсбольную биту (как известно, в России почти никто не играет в бейсбол, но вот бит продается сопоставимо с США). Идущая по Астраханскому семейная парочка увидела девочку, Пастухова, водителя – и юркнула в супермаркет. А вот двигавшийся по Протопоповскому пацан с ранцем, напротив, остановился и издал восхищенный возглас – так радостно, что Пастухов подумал о воспетой в Библии пользе телесных наказаний для воспитания детей.

– Тебе нельзя сейчас покидать место происшествия… – начал было Пастухов.

И осекся.

Он увидел, откуда текла кровь. Два крошечных отверстия на шее девочки. Два следа от укусов.

– Пошли, – решил он и потащил девочку к машине. Та не сопротивлялась, будто, приняв решение довериться ему, вовсе перестала о чем-то думать.

– Эй, в милицию ее надо… – сказал водитель. – Или в больницу… Эй, тут же Склиф рядом, сейчас…

– Я сам полиция! – Пастухов одной рукой достал из кармана «корочку» и сунул водителю под нос. – Никакого Склифа. Гони на Сокол.

– Зачем на Сокол? – поразился водитель.

– Там офис Ночного Дозора, – сказал Пастухов, укладывая девочку на сиденье и подсовывая ей под голову ее же сумку. Ноги девочки он положил себе на колени. С высоких «зимних» кроссовок закапал грязный тающий снег. А вот шея не кровоточила. Хорошо, что слюна вампира останавливает кровь после еды.

Плохо, что вампиры не всегда останавливаются вовремя.

– Какой еще Ночной Дозор? – удивился водитель. – Я в Москве двадцать лет живу, не помню такого.

«Ты и не будешь помнить», – подумал Пастухов. Но говорить это вслух не стал. В конце концов, он и сам, когда доводилось заходить к Иным, не был до конца уверен, что ему оставят память.

Лучше не зарекаться.

– Ты быстро вези, – посоветовал он. – Я штуку заплачу.

Водитель красочно объяснил, куда Пастухов должен будет поместить свою тысячу, и прибавил газа.

Девочка лежала, закрыв глаза. То ли впала в забытье, то ли была в шоке. Пастухов искоса глянул на водителя – тот не отрывал глаз от дороги. Тогда,

чувствуя себя насильником и извращенцем, Пастухов осторожно раздвинул девочке ноги. Джинсы в промежности были чистые, не испачканные. По крайней мере ее никто не насиловал.

Хотя, если уж говорить начистоту, с точки зрения Пастухова, – сексуальное насилие было бы куда меньшим злом. Привычным.

Часть первая

Вынужденные действия

Глава 1

– Ты засиделся, – сказал Гесер.

– Где? – заинтересовался я.

– Не «где», а «на чем», – не отрывая взгляда от бумаг, сказал шеф. – На заднице.

Раз уж шеф начал грубить без повода – то он чем-то очень сильно озадачен. Не разозлен – тогда он предельно вежлив. Не испуган – тогда он печален и лиричен. А именно озадачен.

– Что случилось, Борис Игнатьевич? – спросил я.

– Антон Городецкий, – продолжил шеф, не поднимая глаз. – Десять лет в отделе обучения и образования – многовато, не находишь?

Я задумался. Что-то мне этот разговор напоминал. Но что?

– Есть претензии? – спросил я. – Работаю вроде хорошо… от оперативной работы тоже не уклоняюсь…

– А также периодически спасаешь мир, воспитываешь дочь, Абсолютную волшебницу, и ладишь с женой – Великой волшебницей… – кисло сказал шеф.

– Еще терплю шефа – Великого, – в тон ответил я.

Гесер соизволил поднять глаза. Кивнул.

– Да. Терпишь. И будешь терпеть. Итак, Антон Городецкий. В городе орудуют незарегистрированные вампиры. За неделю – семь нападений.

– Ого, – сказал я. – Каждый день жрут, мрази… А что наши оперативники?

Гесер меня будто и не слушал. Перебирал бумаги.

– Первая жертва… Александр Погорельский. Двадцать три года. Продавец в бутике… не женат… бла-бла-бла… напали средь белого дня в районе Таганки. Вторая жертва – на следующий день. Николай Рё. Сорок семь лет. Инженер. Район Преображенки. Третья – Татьяна Ильина. Девятнадцать лет. Студентка МГУ. Район Чертаново. Четвертая – Оксана Шемякина, пятьдесят два года. Уборщица. Район Митино. Пятая – Нина Лисицына, школьница, десять лет…

– Вот мразь… – вырвалось у меня.

– Средь бела дня, район Матвеевский.

– На женщин перешел, – сказал я. – Распробовал. Теперь стал с возрастом экспериментировать…

– Шестая жертва – Геннадий Ардов. Шестьдесят. Пенсионер.

– Пара, что ли, нападает? – предположил я.

– Может быть, и пара, – сказал Гесер. – Но женская особь там точно есть.

– Откуда информация? Кто-то выжил и рассказал? – заинтересовался я.

Гесер мой вопрос проигнорировал.

– Седьмая, на данный момент – последняя. Оля Ялова, школьница, пятнадцать. Кстати, скажи спасибо своему знакомому, Дмитрию Пастухову. Он ее обнаружил и доставил к нам по горячим следам… что было очень полезно.

Гесер собрал все бумаги, подбил ладонью края, сложил их в папку.

– Так что, кто-то из жертв выжил? – спросил я с надеждой.

– Да. – Гесер секунду помедлил, глядя мне в глаза. – Все выжили.

– Как – все? – Я даже растерялся. – А… но тогда… обращения?

– Нет. На них просто покормились. Немного. Последнюю девочку довольно сильно высосали, врач говорит о потере не менее литра крови. Но там все понятно – девочка шла к своему парню… и, видимо, у них намечался первый… э… коитус.

Как ни странно, но, говоря это, Гесер смутился. Впрочем, его смущение показал и использованный вместо слова «секс» медицинский термин.

– Понятно, – кивнул я. – Девчонка была вся в эндорфинах и половых гормонах. Вампир, какого бы пола он ни был, опьянел. Это еще повезло, что оторвался вообще… Я все понял, шеф. Сейчас я подберу команду и отправлю…

– Это твоя работа. – Гесер толкнул папку через стол. – Охотиться на эту вампиршу… или вампиров будешь ты.

– Почему? – поразился я.

– Потому что она или они так хотят.

– Они выдвинули какие-то требования? Что-то передали через жертв?

На лице Гесера появилась ехидная улыбка.

– Можно, конечно, сказать, что передали… Бери дело и иди. Кровь, если решишь работать классически, получишь на складе. Да… и позвони мне, когда до тебя дойдет.

– И вы мне что-то скажете умное, – мрачно сказал я, вставая и беря папку.

– Нет, я просто поспорил с Ольгой, сколько тебе времени потребуется, чтобы понять, Антон Городецкий. Она говорит про час, я – про четверть часа. Видишь, как я в тебя верю?

Из кабинета Гесера я вышел не попрощавшись.

А позвонил ему через полчаса, бегло просмотрев все документы, потом разложив их на столе и некоторое время вглядываясь в строки.

– Ну? – спросил Гесер.

– Александр. Николай. Татьяна. Оксана. Настя. Геннадий. Ольга. Следующую жертву звали бы, к примеру, Роман. Или Римма.

– Все-таки я был ближе к истине, – самодовольно сказал Гесер. – Полчаса.

– Интересно, как они собираются обойтись с «и кратким»? – спросил я.

– Они?

– Полагаю, что все-таки да. Их двое, парень и девушка.

– Вероятно, ты прав, – согласился Гесер. – Что до имени… В Москве немало иностранцев с необычными именами. Но знаешь, лучше бы нам не доводить дело даже до «цэ».

Я помолчал. Гесер не прерывал связь. Я – тоже.

– Что хочешь спросить? – раздался наконец голос Гесера.

– Ту вампиршу… пятнадцать лет назад… которая нападала на мальчика Егора… Ее точно казнили?

– Ее упокоили, – холодно сказал Гесер. – Да. Стопроцентно. Наверняка. Сам проверил.

– Когда?

– Сегодня утром. Я тоже первым делом подумал о ней. Проверь все, что у нас есть о возможности псевдовитализации упокоенных вампиров.

Вот теперь Гесер прервал связь. Значит, сказал мне все.

Все, что мне требовалось знать, конечно. А не все, что могло понадобиться, или все, что он сам знал.

Великие никогда не говорят все до конца.

И я тоже этому научился. Я тоже не сказал Гесеру все.

* * *

Госпиталь у нас размещался в полуподвале, на том же уровне, где и гостевые комнаты. Ниже были хранилища, тюремные камеры, прочие помещения повышенной опасности, требующие охраны.

Госпиталь никто и никогда специально не охраняет. Во-первых, он обычно пустует. Если кто-то из дозорных получает раны – целитель вылечит их за два-три часа. Если же не вылечит – то пациент скорее всего уже мертв.

Ну и во-вторых, любой целитель – это еще и очень квалифицированный убийца. Ведь стоит применить целительное заклинание «наоборот» – и результат будет фатален. Наших врачей защищать не надо, они сами кого угодно защитят. Как там говорил драчливый пьяный доктор в старой советской комедии? «Я врач! Я

сломаю, я и вылечу!»

Однако сейчас, когда в госпитале был пациент, к тому же человек, пострадавший от Темного, у входа посадили охранника. Аркадий, недавно начавший работать в Дозоре, раньше был школьным учителем. В полном соответствии с ожиданиями окружающих он утверждал, что охотиться на упырей – куда легче, чем вести физику в десятом классе. Я его, конечно, знал – как и всех, обучавшихся в Ночном Дозоре за последние годы. Он меня – тем более.

Но у входа в госпитальный комплекс я, как положено, остановился. В соответствии с какими-то своими представлениями о подобающей форме для охранника Аркадий был в строгом синем костюме (что в принципе логично), но при этом еще и встал из-за стола (к счастью для охраны, паранойя у нас не достигла той степени, чтобы заставлять охранников стоять с заклинаниями на изготовку), осмотрел меня в обычном мире и Сумраке и только после этого открыл дверь. Все по инструкции. Я бы тоже так себя вел еще лет пять назад.

– Кто там с девочкой? – спросил я.

– Иван. Как обычно.

Иван мне нравился. Был он не просто целитель, а целитель-врач. Вообще-то у Иных человеческая специальность и магическое призвание совпадают редко, например, военные почти никогда не становятся боевыми магами. Но вот целители, как я по своей жене знаю, большей частью – врачи.

А врач он был хороший. Начинал еще земским врачом в конце девятнадцатого века. Работал где-то в Смоленской губернии. Там и был инициирован, стал Светлым, но с профессией врача не расстался. Был и в смоленском Дозоре, и в пермском, и в магаданском – жизнь его помотала. После Второй мировой даже осел в Австрии и там прожил десять лет – тоже работая врачом, потом жил в Заире, Новой Зеландии и Канаде. Потом вернулся в Россию и пошел в московский Дозор.

В общем, и жизненного опыта, и врачебного у него было хоть отбавляй. Да и выглядел он так, как положено врачу, – плотный, лет сорока пяти – пятидесяти на вид, седоватый, с короткой бородкой, в строгих очках, непременно в белом

халате (в сумеречном образе – тоже) и со стетоскопом на груди. При виде его дети радостно кричали «Айболит!», а взрослые начинали честно выкладывать свой анамнез.

Единственное, чего он не любил, – это обращения по имени-отчеству. То ли за рубежом привык откликаться на «Иван», то ли была еще какая-то причина.

– Рад видеть, Антон. – Целитель встретил меня у входа в палату, выйдя из своего кабинета. – Тебе поручили?

– Да, Иван. – Я мимолетно подумал, что наш разговор какой-то очень формальный, будто сцена из дурного романа или паршивого сериала. Вот еще надо спросить, как чувствует себя девочка… – Как себя чувствует девочка?

– Уже неплохо. – Иван вздохнул. – Пошли, чаю выпьем, что ли? Она пока спит.

Я глянул сквозь стеклянную дверь. Девочка и впрямь лежала под одеялом, закрыв глаза. То ли спала, то ли делала вид. Проверять, даже незаметно для нее, магически мне показалось неправильным.

– Давай, – сказал я.

Чай Иван пить любил, причем самый банальный: черный с сахаром, лишь иногда с ломтиком лимона. Но чай этот был неизменно вкусен, каких-то необычных незнакомых сортов, но при этом без травок, которые так часто любят сыпать в чай пожилые люди.

– Я однажды встречал человека, который кидал в чай лепестки герани, – сказал Иван, наливая заварку. Он не читал моих мыслей, он просто был достаточно стар и опытен, чтобы понять, о чем я думаю. – Гадость была жуткая. К тому же эти лепестки его медленно отравляли.

– И чем кончилось? – спросил я.

– Умер, – пожал плечами целитель. – Машина сбила. Ты хотел расспросить про девочку?

– Да. Как она?

– Уже все в порядке. Ситуация была не критическая, доставили вовремя. Девушка молодая, крепкая. Поэтому я не стал переливать кровь. Усилил гемопоэз, поставил капельницу с глюкозой, провел успокоительное заклинание и дал валерьянку с пустырником.

– Зачем и то и другое?

– Ну, она сильно была напугана. – Иван позволил себе улыбнуться. – К твоему сведению, большинство людей, на которых кормится вампир, пугаются… Основная опасность была в большой кровопотери, шоке и морозе. Она могла потерять сознание, упасть где-нибудь в темной подворотне и замерзнуть насмерть. Хорошо, что вышла к людям. Хорошо, что ее привезли к нам – меньше работы по зачистке. А так – здоровая крепкая девочка.

– Полицая не обижайте, – попросил я. – Это наш полицай. Хороший!

– Я знаю. Водителю память подтер.

– Водителю можно…

Пару минут мы просто гоняли чаи. Потом Иван спросил:

– Что тебя тревожит? Банальность же. Вампир с катушки слетел. Но хоть не убивает никого…

– Там есть одна странность, – уклончиво сказал я. – Если без деталей – у меня есть основания полагать, что это один знакомый мне вампир.

Иван нахмурился. Потом спросил:

– Это… Константин Савушкин?

Я вздрогнул. Ну да. Конечно. История с той вампиршей и случилась давно, и шума особо не наделала. Светлана, Высшая, затмила собой парочку незадачливых вампиров и едва не сожранного ими пацана. А вот про Костю,

ставшего Высшим и едва не обратившего в Иных всех людей в мире, знал каждый Иной.

– Нет, Иван. Костя погиб. Сгорел. Совсем другая история, другой вампир… вампирша. Скажи, ты не сталкивался с тем, чтобы вампиры оживали?

– Они и так ожившие мертвецы, – спокойно сказал целитель.

– Ну да. В какой-то мере. Но вот чтобы упокоили вампира – а он ожил?

Иван задумался.

– Кажется, что-то слышал, – неохотно признал он. – Поспрашивай в архиве, быть может, в прошлом что-то случалось… Кстати, о прошлом. Я тут один сериальчик посмотрел, про коллегу своего. Про Мишку.

– Какого Мишку? – спросил я.

– Ну, про Булгакова же! – сказал Иван таким тоном, что стало понятно – он говорит о человеке, знакомством с которым очень гордится.

А я и не знал, что Иван был близок со знаменитым писателем. Может, он причастен к тому, что Булгаков начал писать всяческую мистику и фантастику?

– Похож?

– Есть что-то, – к моему удивлению, сказал Иван. – Занятно сняли, никогда такого от бриттов не ожидал! Молодой паренек играл – начинающий, наверное, но очень старался. С таким удовольствием Мишку вспомнил! А вот другой сериал глянул…

Ему хотелось поговорить – и не о вампирах. На работе он явно скучал.

Конечно, есть всякого рода иные болезни – от сумеречной ангины (и не надо смеяться, там правда очень холодно!) и до постзаклинательной депрессии (связана с резким перепадом магической энергии у Иного). И еще есть обычные, человеческие болезни, которые он тоже лечил. Но все-таки целителю второго

уровня в нашем офисе не так уж и много работы. А по доброй воле врачей навещают редко.

– Извини, пойду я, девочку навещу, – сказал я, вставая. – Спасибо за чай… Так что, можно отпускать?

– Конечно, – кивнул Иван. – Если хочешь, я сам почищу ей память.

Это было дружеское предложение. Шикарное. Стирать память, да еще молоденькой девчонке, – очень стыдно. Даже ради ее же блага. Ведь, по сути, такой чисткой мы что-то убиваем в человеке.

– Спасибо, Иван, – кивнул я. – Но я, наверное, сам. Не буду перекладывать…

Он кивнул. Он тоже все понимал.

Оставив Ивана в кабинете (Или как это у врачей называется – приемная? ординаторская?), я пошел в палату.

Девочка Оля Ялова уже не спала. Сидела по-турецки на кровати и смотрела на дверь, будто ожидая, кто войдет. Выглядело это так похоже на предвидение, что я насторожился и посмотрел на ее ауру.

Нет. Увы, но нет! Человек. Ни малейшего потенциала Иной.

– Здравствуй, Оля, – сказал я, придвигая стул и садясь перед ней.

– Здравствуйте, – вежливо сказала она. Чувствовалось, что она напряжена, но старается выглядеть как можно спокойнее.

В принципе ничто не выглядит более умиротворяюще, чем юная девушка, одетая в пижаму чуть большего размера, чем требуется.

Так, повторим-ка еще раз мысленно, что ей пятнадцать лет…

– Я друг, – сказал я. – Тебе совершенно не о чем беспокоиться. Через полчаса я посажу тебя в такси и отправлю домой.

– А я и не беспокоюсь, – сказала девушка, расслабляясь. Была она от силы на год старше Надюшки, но это был тот самый год, который превращает ребенка во взрослого. Ну ладно, не во взрослого. В не-ребенка.

– Ты что-нибудь помнишь о вчерашнем вечере? – спросил я.

Девушка подумала. Потом кивнула.

– Да. Я шла… – пауза была едва заметна, – в гости. И вдруг услышала… какой-то звук. Будто песня… – У нее слегка затуманились глаза. – Я пошла… там узенький переулок, с одной стороны какой-то магазин, с другой – огороженный двор… там стоял… стояла…

– Девушка? – предположил я.

Обычно оставшаяся в живых жертва вампира помнит само нападение, но совершенно не запоминает хищника. Даже пол. Это что-то вроде защитного механизма, выработанного кровососами за тысячи лет охоты на людей.

Но в случае с Олей был нюанс – вампир (вампирша, если я прав) кормился слишком долго. В таком состоянии вампиры пьянеют и плохо контролируют себя.

Девочка помедлила и кивнула:

– Да. Девушка… Лица точно не помню, худое такое, скуластое… Молодая, кажется. Волосы темные, короткие. Глаза запавшие, темные. Я к ней подошла как во сне. Она махнула рукой, и я сняла шарф. Тогда она, – Оля сглотнула, – она оказалась рядом. Как-то сразу. И…

Она молчала. Но я не останавливал, мне хотелось узнать детали. Дьявол – он в деталях, как известно.

– Она укусила меня в шею и стала пить мою кровь, – сказала Оля. – Долго. Она так подергивалась, стонала… и… – Девушка запнулась на миг. – И лапала меня за грудь. Не как парень… но еще противнее. Мы однажды на сборах с подружкой дурачились… ну, даже было немножко приятно. Я не лесби, не думайте. Мы дурачились. А тут была какая-то мерзость. Она не женщина и не мужчина. Она не человек вообще, вампир… – Девочка-девушка Оля очень серьезно посмотрела мне в глаза. – Она мертвая, да?

– Мертвая, – кивнул я. – Это такая особенная смерть… не окончательная. Не переживай, ты не превратишься в вампира.

– Доктор сказал вчера, – кивнула Оля. – А теперь вы заставите меня все забыть?

Я не стал врать. Кивнул.

– Наверное, я могла бы попросить вас оставить мне память, – задумчиво сказала Оля. – Но… но я не стану. Во-первых, вряд ли вы согласитесь. А во-вторых – я не хочу этого помнить. Я не хочу знать, что на свете есть вампиры.

– Есть еще и те, кто их ловит, – сказал я.

– Это хорошо, – кивнула девушка. – Но все равно я не хочу это помнить. Я же не могу стать одной из вас?

Я покачал головой.

– Пусть я все забуду, – решила девушка. – Пусть я буду думать, что провела время у подруги.

– Только позволь еще один вопрос, – сказал я. – Вампирша точно была одна? Не было рядом мужской особи? Вампира? Может, он и не нападал, просто стоял рядом…

Оля покачала головой.

– Спасибо, ты действительно помогла, – сказал я. – Хорошо. Теперь рассказывай, как все должно быть.

– Я ведь шла к парню, – продолжала Оля. – У нас должен был быть секс. Первый раз. Он вышел меня встречать. И встретил. И когда я пошла к вампирше, он шел следом и спрашивал, чего я, куда я иду… А потом… когда ее увидел… Она улыбнулась Олежке, и у нее клыки блеснули. Тогда он повернулся. И убежал.

У нее была какая-то потрясающая откровенность. Такую иногда встречаешь в поезде, когда напиваются в хлам совершенно незнакомые люди, сведенные на день-два вместе дорогой – и знающие, что никогда больше не увидятся. Еще так откровенны бывают люди, знающие, что жить им осталось совсем недолго.

Но, собственно говоря, так ведь оно и было. Нынешняя Оля Ялова исчезнет навсегда, ведь двенадцать часов ее жизни окажутся стерты. Появится новая Оля. Версия 1.1. Улучшенная, с вычищенными ошибками.

Я молчал. Хорошо, что девочка сказала про парня. Значит, придется…

– У него не забудьте стереть память, – продолжала девушка. – И пусть забудет, что у нас была любовь. И я тоже хочу это забыть.

– Ты не слишком сурова? – спросил я.

– Он убежал. Понимаете? Бросил меня! Отдал чудовищу!

– Оля. – Я взял ее за руку, надеясь, что жест выглядит дружеским или отеческим, а не заигрыванием. – Зов вампира, так же как его взгляд или запах, действует на любого человека, даже самого сильного. Ты не могла не прийти. Твой друг не мог не убежать. Она велела – и он убежал. Я не думаю, если честно, что это любовь всей твоей жизни, но не будь к парню слишком сурова.

Девушка подумала с минуту. Вздохнула, но, кажется, с облегчением.

– Хорошо. Тогда пусть он думает, что испугался толпы хулиганов. И я пусть тоже так думаю. Что мы убежали, но в разные стороны. Пусть ему все-таки будет стыдно, и я на него немножко обижусь. Ну, так… на неделю-другую…

– Какие же вы, женщины, коварные существа! – не выдержал я. – Коварнее любого вампира!

И Оля наконец-то расслабилась, улыбнулась широко и искренне.

– Да! Мы такие!

– Тогда спи, – сказал я.

И она, конечно, уснула.

* * *

Олю, мирно посапывающую на кровати, я препоручил заботам Ивана. Пусть приводит ее в порядок, переодевает, усаживает в такси, отправляет домой. Он доктор, в конце концов. Про юношу Олега, к которому Оля шла на свидание, я тоже ему рассказал – его полномочий хватит на то, чтобы отправить к парню патруль для зачистки памяти.

А я пошел в архив.

Огромная часть наших документов и накопленных Дозором сведений переведена в электронную форму. Конечно, она доступна только во внутренней компьютерной сети, никакого доступа в Интернет нет и в помине.

Куда большая часть документов и сведений остается в бумажной форме. А также папирусной, пергаментной и даже чуть-чуть в глиняной.

Гесер когда-то говорил, что это связано с безопасностью – куда проще наложить защитные заклинания на материальный носитель, чем на – как сказать-то? – гигабайты и терабайты информации? Но мне кажется, что он лукавит. Большую часть этой информации в электронный вид просто не перевести. Или же неимоверно сложно.

Вот, к примеру, ведьмовская книга заклинаний. Написана детской кровью на страницах из кожи девственниц. Гадкая вещь, не спорю. Но врага надо знать…

Детскую кровь, как мы выяснили, можно заменить кровью стариков. Или взрослых людей. Или свиной кровью. Никакой разницы.

А вот если написать заклинания кровью Иного – они перестанут работать при прочтении. И если собачьей или коровьей кровью – тоже. Но куриная и кошачья годятся!

При этом кожа девственниц – вообще не обязательна, ее можно заменять на любую кожу, любой пергамент и даже любую бумагу. Хоть на туалетную или наждачную. У ведьм так много рецептов с кровью, кожей, слезами и фрагментами тел девственниц только потому, что большинство ведьм – старые страхолюдины. Омолаживающие заклинания у них не работают, только маскировочные. Поэтому ведьмы и ненавидят молодых красивых девушек и делают им гадости при каждом удобном случае. Комплексы…

Но кровь действительно нужна. Как и почему – ученые так и не выяснили до конца. Но копировать такую книгу заклинаний на компьютер бессмысленно, она работать не станет. Заклинаниям из нее не научишься!

Или рецепты целителей. Светлая магия, никаких ужасов… как правило. Но берем, к примеру, популярный рецепт эликсира от мигреней – и обнаруживаем, что пять ингредиентов из семи не записаны, а обозначены запахами! То есть надо понюхать указанные страницы в сборнике рецептов!

И – да, вы совершенно правы – если вместо запаха написать «ваниль», «каштановый мед» и «ржаной хлеб» – эликсир не сработает.

Составляя его, целитель должен понюхать ингредиенты. Даже «толченый мел», который ничем особенным не пахнет. Даже «родниковую воду», которая совсем уж запаха не имеет!

…Тут ученые, кстати, почти единодушны – запахи активируют у Иного гиппокамп, кору височных областей – и это каким-то образом влияет на заклинание. Но каким?..

А что говорить о магических предметах? Или о методиках, которые требуют тактильного контакта? Описать, конечно, можно. Но ценность описания будет очень условной.

Так что в компьютере (а я, конечно, начал с этого) в электронной базе данных оказалась лишь короткая информационная строка:

«ВАМПИРЫ, ОЖИВЛЕНИЕ (некорректное, правильно – ПОВТОРНАЯ ПСЕВДОВИТАЛИЗАЦИЯ) – процесс восстановления псевдожизнедеятельности вампиров после окончательного развеивания (см.), конечного упокоения (см.) или полного физического уничтожения. Описано Чаба Орош (Ч. Орош, 1732–1867), индекс 097635249843, Аманда Ранди Гру Касперсен (А. Р. Г. Касперсен, р. 1881), индекс 325768653166».

С этой распечаткой я и спустился на минус шестой этаж, где после поста охраны (посерьезнее, чем охрана лазарета, двое Иных) меня наконец-то впустили в помещение архива.

Элен Киллоран была ирландкой – случай для московского Ночного Дозора редкий. У нас, конечно, полным-полно выходцев со всех республик бывшего Советского Союза. Поляк есть. Кореец.

Стажеры по обмену опытом вообще бывают отовсюду. Но они ненадолго приезжают, на год-два.

Когда-то, лет десять назад, приехала в Москву и Киллоран. Черноволосая, неторопливая, пунктуальная, застенчивая, непьющая – в общем, совершенно не похожая на ирландок, как их представляет массовая культура. Она была Иная пятого уровня, что ее ничуть не смущало и не волновало. Ее страстью была древность. Не будь она Иной – все равно проводила бы всю жизнь в архивах, магия стала для нее лишь изюминкой в пироге из старых документов и артефактов.

Элен Киллоран обожала систематизировать. И Москва стала для нее раем, давно уже недостижимым в Европе.

Нет, у нас хорошие архивы. Там ничего не пропадает. Там все надежно лежит. Столетиями.

Я смутно помнил, что до Киллоран архивом заведовал веселый общительный мужчина, у которого был один недостаток – он ничего не мог найти. Разве что случайно. А так – большее, на что мог рассчитывать посетитель, это открытая

дверь и мощный фонарик, потому что проводка барахлила и в любой момент можно было остаться посреди огромного зала в полной темноте.

Элен за год навела в архиве порядок – точнее, то, что мы готовы были признать порядком. Потом она каталогизировала и классифицировала все, включая неразобранные материалы – таких оказалось девяносто процентов. После чего сообщила Гесеру, что работы здесь на сорок-пятьдесят лет, поэтому она примет российское гражданство и заключит контракт с Ночным Дозором. Гесер вытаращил на нее глаза, сказал, что в качестве бонуса Дозор купит ей квартиру рядом с офисом. Элен смутилась и сказала, что ничего покупать не надо, достаточно оплачивать аренду. Гесер резонно объяснил, что за полвека стоимость аренды составит несколько квартир, после чего приставил меня к Элен – помочь ей в прохождении бюрократических препон.

Как по мне – так надо было Элен на все формальности наплевать. И на гражданство, и на квартиру. Она все равно в нашем архиве практически жила, выбираясь раз-два в неделю, – при архиве предусмотрительно была жилая комнатушка с санузлом. Но я честно помог ей справиться с московской бюрократией, после чего мы стали приятелями (в той мере, в какой можно было быть приятелем Элен, если ты не древний манускрипт).

Открыв дверь архива, я вошел в огромный темный зал, уставленный стеллажами от пола до высоченного потолка. Таких залов в подвале было несколько десятков, но Элен всегда работала в первом, наверное, даже ей было здесь одиноко. Покашляв, чтобы как-то обозначить свое появление, я двинулся сквозь полутьму к ослепительному конусу света в центре зала. Элен сидела за столом, на котором высилась огромная картонная коробка из-под телевизора «Горизонт-112», и перебирала сложенные в коробку тоненькие школьные тетрадки. Над головой архивариуса горела одна-единственная мощная лампа в металлическом абажуре. На Элен были затертые джинсы и теплая вязаная кофта – отопление не могло согреть огромный подвал.

Моему появлению Элен искренне обрадовалась. Мне был предложен чай (от которого я вежливо отказался, что, впрочем, не помогло) и любая необходимая помощь. В качестве ответной любезности я побеседовал с Элен о творчестве Констебля и Тернера (моим вкладом в мини-лекцию было внимательное слушание и поддакивание) и выпил полкружки чая.

Мысленно я сделал себе заметку – надо организовать среди сотрудников дежурство по архиву и лазарету. Пусть периодически заходят с вопросами и делами к тем нашим сотрудникам, что закопались в своих берлогах. Кроме доктора и архивариуса, наверняка есть еще кто-то. Ученые в научном отделе. Оружейники… хотя нет, вот к ним заходят часто и охотно. А у Киллоран я и сам невесть сколько времени не был, как бы не год или больше…

Надо, надо направлять молодежь к нашим затворникам. И им веселее будет, и начинающим Иным – польза.

– Зачем такая редкая информация, Антон? – спросила Элен, проглядывая мой запрос. Тут же спохватилась: – Если это не секрет, конечно.

Мой уровень и положение в Дозоре позволяли мне в принципе запрашивать любую информацию без всяких объяснений. Но ничего плохого в том, чтобы посоветоваться с Элен, я не видел.

– Произошла серия нападений вампира на людей, – сказал я. – Жертвы все живы.

– А сколько их?

– Семь, – сказал я. И повторил: – Все живы.

Элен приподняла бровь, глядя на меня.

– Александр Погорельский, – начал перечислять я. – Николай Рё. Татьяна Ильина. Оксана Шемякина. Нина Лисицына. Геннадий Ардов. Оля Ялова.

– Ты назвал имена и фамилии, – задумчиво сказала Элен. – Ты не назвал возраст, род занятий, обстоятельства нападения. Это первая странность. Среди жертв – мужчины и женщины, хотя обычно кровососы гендерно специализируются… в вампиризме очень много сексуального. Это вторая странность. Все жертвы живы – значит, вампир хорошо контролирует себя. Но в таком случае как Дозору стало известно о нападениях? Нет ничего сложного в том, чтобы скрыть преступление, если жертва жива! Просто стереть память, а недомоганию человек придумает какое-то объяснение… грипп… И это третья странность.

Я кивнул. Я искренне наслаждался беседой. Конечно, Элен не оперативник и никогда им не была. Но я ведь уже сказал, что ей нравится систематизировать?

– И четвертая странность – зачем ты все рассказал мне, – закончила Элен. – Видимо, хочешь либо подтверждения своим догадкам, либо моего совета… что странно, конечно… О нет! Есть еще и пятая странность. С какой стати ты, Высший маг, занимающийся обучением начинающих Иных, вообще занялся этим делом?

– Браво! – сказал я.

– Версия первая, – продолжала Элен. – Ты решил… или Гесер решил… что я засиделась в архиве. Тебя самого когда-то вытащили из компьютерного центра и отправили патрулировать улицы. Мне не нравится эта версия, я очень люблю ваш архив!

– Элен, – я прижал руку к груди, – клянусь, что не собираюсь вытаскивать тебя из уютного архива на шумные московские улицы!

– Тогда вторая версия. Ты ждешь совета.

Элен достала из кармана джинсов потертую записную книжку и огрызок карандаша. Быстро записала что-то на чистую страницу. Потом кивнула.

– Ага. Ты не зря назвал мне имена. Александр-Николай-Татьяна-Оксана-Нина-Геннадий-Ольга. Берем первые буквы. А-Н-Т-О-Н-Г-О… Антон Городецкий. Вампир намекал, что ему нужен ты. Вампир лишь нападал, но не убивал, потому что ему было нужно, чтобы о преступлениях узнали в Дозоре. Вампиру было плевать, кого кусать – маленькую девочку или пенсионера, лишь бы буковки совпали. Очевидно, все это понял и Гесер – потому и поручил тебе расследование. Этот вампир – это из твоего прошлого вампир… так?

– Все так, – сказал я. – Только не вампир, вампирша.

– Кто-то запомнил? – удивилась Элен.

– Последняя жертва, Оля. Вампирша на ней насосалась до безобразия, память не затерла. Но дело даже не в этом.

Несколько секунд Элен молчала. Потом вновь посмотрела в блокнот.

– Ну да, – сказала она. – Конечно. Погорельский, Рё, Ильина, Шемякина, Лисицына, Ардов, Ялова. П-Р-И-Ш-Л-А-Я.

– «Пришла я». Немного странно для вампира.

Элен удивленно посмотрела на меня.

– Какое-то средневековое благородство, «иду на вы», – пояснил я.

– Странно, говоришь… – кивнула Элен, разглядывая блокнот. – Я пришла, значит… Может быть, напугать хотела? Интересно. Что ж она собиралась в итоге написать… этими укусами… А Гесер заметил?

– Кто ж его знает? Вряд ли шеф глупее меня.

– Но что тебе от меня нужно, вот загадка, – пробормотала Элен. Совершенно беззастенчиво стала грызть ноготь. – Материалы я тебе и так все найду. Совет? Ну, приятно, если так…

– Совет, – подтвердил я. – У тебя склад ума такой… своеобразный. Если ты в этом бардаке навела порядок, то и в этих данных сумеешь.

– Это какая-то вампирша из твоего прошлого, – сказала Элен. – Судя по запрошенной информации – ты ее упокоил… но предполагаешь, что она вернулась.

– Не я упокоил. Инквизиция. Но ее действительно упокоили, Гесер проверил. Это единственная женская особь вампиров, которая могла бы иметь на меня зуб… прости за дурацкий каламбур. Логично предположить, что она как-то восстала из мертвых.

– Я найду все документы, – пробормотала Элен. – Но вот чем еще помочь… ты же не дурак, ты сам все заметил.

– Подумай, Элен, – попросил я. – Я эту историю не хочу выносить на публичное обсуждение…

– Да что тут думать? – Элен закрыла блокнот. – Все, что можно, ты из этих ФИО уже получил… ведь получил? Из всего?

Мы уставились друг на друга. Потом Элен усмехнулась.

– Ты! Русский человек! У вас, русских, есть уникальная вещь – отчество. И ты не подумал, что если имя и фамилия что-то значат, то надо проверить и…

Я уже ее не слушал. Я закрыл глаза и вспоминал. В молодости, готовясь к экзаменам, я был уверен, что у меня плохая память. Но способности Иного творят чудеса…

– Александр Зиновьевич. Николай Алексеевич. Татьяна Тимофеевна. Оксана Олеговна. Нина Борисовна. Геннадий Орестович. Ольга Игоревна.

– З-А-Т-О-Б-О-И, – произнесла Элен то, что я понял уже и сам. И что ожидал услышать.

– Пришла я… – произнес я послание, составленное из первых букв фамилий.

– За тобой… – сочувственно продолжила Элен. – Как я понимаю, в русском языке нет отчеств на «и краткое»?

– Антон Го… – закончил я. – Вот же мразь дохлая… За мной она, значит, пришла? Отомстить решила?

– Успокойся, – миролюбиво сказала Элен. – А если бы она написала «За твоей»? За твоей дочерью, за твоей женой?

Зачастившее было сердце стало биться спокойнее.

– Да. Ты права, это не самый худший вариант, – сказал я. – Спасибо, Элен, ты и впрямь увидела то, что я проглядел.

– Это потому, что я не русская и смотрю со стороны, – наставительно сказала ирландка. – Антон, ты же Высший Иной. И жена твоя – тоже. А дочь – Абсолютная. Что может против вас одна вампирша? Даже если она ожила? Даже если она стала Высшей?

Я не ответил. Все было так… вот только неприкрытая дерзость нападений, этот открыто брошенный вызов – он словно вопил «не все так просто».

– Не все так однозначно, – сказал я.

– Посиди, Антон, – вздохнула Элен. Взяла мою распечатку, из ящика стола достала огромный фонарь. – Пошла я за твоими документами.

– Почему ты ходишь по архиву с фонарем? – спросил я.

– Некоторые документы не любят света, – ответила Элен. – Они могут испугаться и исчезнуть на несколько дней… или лет.

Она сделала шаг из конуса света в темноту и пропала. Через миг ее голос донесся до меня уже издалека – она шла по залу, не зажигая фонаря.

– А еще в темноте здесь не так страшно, Антон! Многого не видно…

Глава 2

Рано утром, в четверть восьмого, я стоял на кухне и взбивал вилкой омлет в старой эмалированной кастрюльке. Опыт, приобретенный еще давным-давно, в маленькой однокомнатной квартире, позволял это делать практически беззвучно, я лишь один раз брякнул вилкой о дно кастрюльки.

Взбивая омлет, я пытался вспомнить, откуда у нас эта кастрюлька с облупившейся кое-где эмалью и жизнерадостными желтыми утятами на боку. Это ведь не Светланино приданое. Я в этой кастрюльке готовил еще в студенчестве. И она была не новая, мне ее мама дала, когда снимал первую квартиру…

Да ей же лет пятьдесят как минимум… А то и больше. Эта кастрюлька помнит СССР и товарища Брежнева. Я, можно сказать, не помню, а она – вполне. А может, и Хрущева? И Карибский кризис? И Великую Отечественную…

Нет, это я загибаю. Не может быть.

Однако удержаться было уже невозможно! Я посмотрел на кастрюльку сквозь Сумрак. Содержимое укоризненно отсвечивало желтоватыми отблесками, напоминая, что и яйца, и молоко – продукты животного происхождения. Ну извините, невылупившиеся цыплята и обделенные молоком телята, мы, люди, – хищники…

Я отвлекся от ауры пищи и попытался прочесть ауру кастрюльки. Это штука сложная, пожалуй, Иному второго-третьего уровня в принципе недоступная…

У меня получилось. Недостаток опыта я скомпенсировал Силой, бухнув в память металла столько энергии, сколько когда-то тратил за неделю.

Из этой кастрюльки ели. Много и вкусно, как говорится. В ней почему-то (из-за веселенького утенка на эмали?) много готовили детям. В том числе и мне.

А сделали ее не в годы войны, конечно, но в самом начале пятидесятых. И в переплавленном металле было железо разбитых танков, там до сих пор полыхало что-то черно-оранжевое, дымное, ревело и тряслось, плавилось и стонало…

Как хорошо, что ауру вещей не видят не только люди, но и большинство Иных…

– Папа?

Я поднял глаза. Надя стояла в дверях кухни, с любопытством смотрела на меня. Судя по школьной форме (она учится в лицее, там с этим строго), она собиралась на занятия.

– Что, доча? – спросил я. Попытался размешивать омлет дальше, но вилка почему-то не двигалась.

– Ты что делаешь? Так полыхнуло, я думала, ты портал открываешь.

– Я готовлю омлет, – сказал я.

Надя демонстративно втянула носом воздух.

– По-моему, ты его уже приготовил. И он подгорел.

Я посмотрел в кастрюльку:

– Да, есть немного.

Несколько мгновений дочь улыбалась, глядя на меня. Потом посерьезнела.

– Папа, что-то случилось?

– Нет. Хотел прочитать историю кастрюльки. Переборщил с Силой.

– А так – все в порядке?

Я вздохнул. Пытаться что-то скрыть от Нади было бесполезно. Лет с семи, пожалуй.

– Ну, не совсем. Я волнуюсь из-за этой вампирши… Постой, ты куда собралась?

– В школу. Ну я пошла, да?

– Мама еще в душе! Подожди!

Надя занервничала.

– Ну пап! Мне пройти три двора! Мне пятнадцать лет!

– Не три, а четыре. Не пятнадцать, а четырнадцать с небольшим.

– Я округляю!

– Не в ту сторону.

Надя топнула ногой.

– Пап! Ну прекрати! Я – Абсолютная…

– Абсолютная кто? – поинтересовался я.

– Волшебница, – буркнула Надя. Разумеется, она понимала, что этот спор ей не выиграть.

– Вот и хорошо, что волшебница, а не дура. Ты можешь быть безгранично сильной, но обычный камень, которым тебя ударят со спины…

– Папа!

– Или обычный вампирский зов, когда ты не будешь к этому готова…

Надя молча подошла ко мне, отобрала кастрюльку. Села за стол и стала есть вилкой, служившей для размешивания.

– Надя, я не самодур, – сказал я. – Подожди маму. Или пойдем, я тебя провожу.

– Пап, когда я иду по улице, за мной следят трое Иных.

– Двое, – поправил я. – От Ночного и от Дневного Дозоров.

– И третий – от Инквизиции. У него артефакт мощный, ты его не замечаешь.

Вот оно как…

– Ну разве они допустят, чтобы на их драгоценную Абсолютную волшебницу напала сбрендившая вампирша?

– Я все понимаю, – согласился я.

– Папа, на мне семь амулетов! Из них три особо заточены против вампиров!

– Знаю.

Надя вздохнула и принялась ковырять омлет. Пробормотала:

– Соли мало.

– Соль вредна для здоровья.

– И подгорел.

– Активированный уголь полезен для здоровья.

Надя прыснула. Отставила кастрюльку.

– Ладно, сдаюсь. Пусть мама меня проводит… только никому не показывается. Если в классе увидят, что меня родители до школы провожают…

– Тебя волнует их мнение? – спросил я, доставая сковородку. Мудрить с омлетом уже не хотелось. Сделаю глазунью…

– Да!

– Это хорошо, – сказал я. – Многие Иные, которые осознали себя в детстве, очень быстро перестают обращать внимание на людей. Хорошо, что ты не такая…

– Папа, а та девочка, которую покусали последней…

– Ну?

– Она сама попросила стереть ей память?

Я кивнул. Разбил яйцо над сковородкой.

– Сама. Умная девочка. Даже если бы она упросила нас оставить ей воспоминания, ей было бы тяжело с ними жить.

– Наверное, – согласилась Надя. – Но я бы не смогла. Это как убить себя.

– Какая у меня умная дочь…

– Вся в жену, – сказала Светлана, входя. – Вы тут не ссоритесь?

– Нет! – хором ответили мы с Надей.

– Какие-то… остаточные энергии… – Светлана неопределенно повела рукой.

– Это папа готовил омлет, – сказала Надя и хихикнула.

* * *

Разумеется, вчера я рассказал все своим девочкам. И про нападения. И про свои догадки. И про содержимое картонной коробки из-под «магнитофона катушечного стереофонического НОТА-202», который добрая Элен под завязку набила нужными мне документами.

К сожалению, никакого беспокойства мой рассказ не вызвал. И ладно бы у Нади – я понимаю, что юность беспечна и безрассудна. Но и Света к моему рассказу отнеслась со скепсисом. Она согласилась с тем, что в именах жертв зашифровано послание мне. Но при этом наотрез отказалась считать угрозу серьезной: «Тот, кто на самом деле хочет зла, о своих планах не информирует».

Да и мое предположение, что на людей нападала вампирша, которую когда-то упокоили с моей подачи, Света отвергла. Во-первых, пусть я не работаю постоянно на улицах, но мне довелось обидеть немало вампиров и вампирш. Во-вторых, у обиженных могли быть подруги, «сестры по крови» – у вампиров все это довольно серьезно, хоть и не настолько, как в голливудских фантазиях. Ну и в-третьих, в большинстве случаев кровососы не таят обиду долгие годы, не мстят в духе графа Монте-Кристо. Они довольно приземленные существа. Практичные.

Иначе при их образе жизни… э… точнее – послежизни, долго не… долго не просуществовать.

В общем, мое вчерашнее беспокойство было обозвано «пещерными комплексами главы семейства». Я на такой неприкрытый феминизм обиделся, ушел на кухню и сел работать с документами. Потом Света с Надей, посмотрев какой-то свой сериал, пришли на кухню пить чай – и я перебрался в «кабинет». Увы, квартира у нас хоть и просторная, но не настолько, чтобы у меня была отдельная комната для работы на дому, поэтому кабинет я себе оборудовал в застекленной лоджии. И все бы ничего – там было и тепло, и места хватало, но оказалось, что работать с видом на двор, на людей и машины я толком не могу. Не сосредоточиваюсь – все время поворачиваю голову к окну, как нерадивый школьник на скучном уроке…

Однако я честно просидел остаток вечера над документами, разложил их на несколько групп. Потом тяжелым и сложным заклинанием вынудил себя понимать венгерский и датский языки – назвать результат словом «выучил» я бы не рискнул. Снова пересортировал документы. Прочитал статью Аманды Касперсен «О терпеливости кровососов и ее пределах». Понял, что либо в момент написания Дневной Дозор в Дании был очень слаб, либо нравы в начале двадцатого века были гораздо проще. Фру Касперсен банально пытала нескольких захваченных Ночным Дозором в плен вампиров, подвергала вивисекции (опять же – если термин применим к живым мертвецам) и все это скрупулезно протоколировала. Даже меня и даже при полном отсутствии симпатии к кровососам замутило.

Сжигание… замораживание… нарезание фрагментами… лишение органов… отравление… Даже экзотическая по тем временам радиация – Аманда пичкала пленных вампиров радием в чудовищных дозах!

Я полез в биографическую справку госпожи Касперсен, выяснил, что она с пятнадцати лет, то есть еще с конца девятнадцатого века, работала в Ночном Дозоре. Больше ничего там не говорилось, но, возможно, у нее были личные причины ненавидеть вампиров?

Однако работать после всего прочитанного мне расхотелось, и я пошел спать.

А вот сегодня, отправив дочь в сопровождении жены в школу, я спокойно вернулся к бумагам. То, что явно не относилось к вопросу или было прочитано, складывал обратно в коробку из-под древнего магнитофона (и как они сохранились в нашем архиве, заклинание, что ли, кто-то наложил?).

Увы, документы Аманды Касперсен, при всей их основательности и свирепости, мне ничего не дали. Трудолюбивая датская девушка выяснила, что вампиры очень, очень, очень прочные, убить их нелегко, повреждения они восстанавливают быстро. Самыми надежными способами (не считая магическое упокоение) Аманда признала отрубание головы с захоронением ее на расстоянии не менее двух с половиной метров от тела (я даже не решился уточнять, как была выбрана дистанция), сжигание «дотла с просеиванием золы на ветру» и «помещение в бочку с водкой, джином, самогоном или иным алкогольным напитком таковой крепости, дабы он поддерживал горение». Ну, про то, что вампиры не переносят алкоголя, знают даже дети…

Сложив все документы Аманды (там, кстати, были не только копии, но и несколько оригиналов – каким ветром занесло?) в коробку, я вычеркнул ее фамилию из распечатки. Аманда убедительно доказала, что если вампира взять и хорошенько помучить, то он умрет окончательно и никому мешать уже не будет. Я открыл для себя много нового в женских характерах и национальных датских обычаях. Понял, почему датчане разрезали на кусочки перед детьми бедного жирафенка Мариуса. Заподозрил, что уже не смогу прежними глазами смотреть на «Лего».

Но ничего нужного мне в документах не было.

Что ж, оставался Чаба Орош.

Венгрия никогда не слыла местом особого разгула вампиризма. Легендарный Дракула, который, кстати, был не вампиром, а просто жестоким человеком, жил

по соседству, в Румынии. Сами венгры, народ в целом добродушный, любящий вино, мясо и что-нибудь сладенькое-вкусненькое, к поеданию себя вампирами относились нетолерантно. К тому же они всегда были настолько нецивилизованны, что в отличие от англичан или американцев в вампиров верили.

Так что на территории Венгрии вампиры влачили довольно жалкое и скрытное существование. Даже без вмешательства Ночного Дозора.

После увлекательных девичьих записей о вивисекции вампиров я даже не сразу понял тональность Чабы Ороша. Но факт оставался фактом – Чаба Орош вампирами восхищался!

Я отыскал библиографическую справку по Орошу. Он был Светлым, седьмого уровня. Инициировали его довольно поздно, в шестьдесят лет. Работавший провинциальным аптекарем Орош был в восторге от открывшихся перспектив – поездил по миру, добравшись даже до Австралии и Северной Америки. Потом поселился в Будапеште. Стал работать в местном Ночном Дозоре, на какой-то мелкой канцелярской должности. Светлый, без всякого сомнения. Но – поклонник вампиров!

Прочитав все статьи Ороша и несколько более поздних публикаций о нем (что смешно – об Ороше писали в основном Темные), я решил, что понял его мотивы.

Он стал Иным слишком поздно. Возраст назад не отмотаешь – он мог придать себе вид молодого человека, мог укрепить здоровье, мог рассчитывать на многие десятилетия и даже века полноценной жизни. Но молодость – настоящая – уже ушла навсегда.

А ему хотелось юности.

Вампиры и ведьмы – вот две крайности. Вампиры всегда молоды, пусть это молодость нежити, трупа. Ведьмы всегда стары, хотя мало кто настолько полон жизнью, как ведьмы.

Орош восхищался вампирьей молодостью. Лоском. Манерами. Всем тем фальшивым блеском, гламуром, который вампиры выработали как маскировку, как средство завлечения жертв. И вроде как бывший аптекарь из города

Секешфехервар все это понимал – но восхищался. Что ж, о вкусах не спорят.

Чаба Орош, конечно, не пил кровь и не старался обелить вампиров. Сущность их он вполне понимал. Но восхищение физическими кондициями кровососов, их крепостью, выносливостью, отличной от других Иных магией – все это скоро превратило его в очень странного персонажа. Будучи Светлым, работая в Ночном Дозоре, Орош непрерывно писал о вампирах, собирал о них информацию, изучал. Вампирам, похоже, это льстило. Они с ним общались (ну а почему бы законопослушному вампиру, соблюдающему Великий Договор, не пообщаться с законопослушным Светлым Иным). Рассказывали о себе. Даже позволяли проводить какие-то эксперименты (куда более щадящие, чем у датской девушки, конечно).

Всем нравится быть объектом внимания. Говорят, самые жуткие маньяки, когда их наконец схватят, с восторгом начинают рассказывать о своих злодеяниях. Вампиры не исключение.

В общем, Чаба Орош стал собирателем вампирского фольклора. Получил какой-то Знак Гильдии Вампиров, с которым принялся путешествовать по миру. Тут я первый раз удивился, ибо знал несколько попыток вампиров создать общую структуру, но ничем серьезным они не кончались – вампиры индивидуалисты, признают лишь… кхм… кровное родство. Либо семейные узы, либо узы инициации…

Но Орош со своим Знаком Гильдии и впрямь собирал фольклор повсюду. Снова много колесил по свету. Опять вернулся в Будапешт. И выпустил один за другим пять томов энциклопедии «ВСЕ ОБ ИНЫХ, ИМЕНУЕМЫХ ВАМПИРАМИ».

Вот тут и разразился конфуз (называть его скандалом не стоило, слишком много было хохота).

Иные – Светлые и Темные – читали энциклопедию и обнаруживали, что она наполнена туфтой. Некоторое количество общеизвестных фактов было густо замешено на столь удивительных байках, что бумага готова была покраснеть от стыда.

Чаба Орош на полном серьезе писал, что вампиры – это самые первые Иные, и уже от них потом пошли оборотни («развращенные вампиры» по его

терминологии), Светлые и Темные маги…

Чаба Орош живописал, что когда-то давным-давно, на заре человечества, к первому Иному (вампиру, разумеется) явился Двуединый – Бог Света и Тьмы, который дал ему вкусить божественной крови и тем подарил силы Сумрака.

Чаба Орош рассказал библейскую легенду о потопе, только в его версии потоп случился из-за того, что вампиры в своей гордыне решили сделать всех людей на свете вампирами (деликатный вопрос о том, на ком они станут кормиться, Чаба не обошел – вампиры в его легенде решили пить кровь животных и… собственных детей, то есть вначале на них кормиться, потом превращать в вампиров – эдакий безотходный цикл). И вот за эту гордыню Бог Света и Тьмы и наказал вампиров потопом, спасся лишь Ной с семьей… и один вампир, младенец, которого родители-вампиры положили в деревянный ящик и пустили по водам, потом ящик подобрала жена Ноя… Ну, вы понимаете, что можно сделать из Библии, если у тебя нет тормозов в голове, специфическое чувство юмора и желание все объяснить с точки зрения вампиров?

Чаба Орош поведал также о куче других событий, представив их в новом свете. Вампирами были Орлеанская дева и Тур Хейердал, Эмиль Золя и Томас Эдисон. Тесла тоже был вампиром, конечно же. Вампиром его сделала жена президента Рузвельта, Элеонора (которую сделал вампиром сам Рузвельт). Все известные люди были вампирами. Или хотя бы сочувствовали им.

Когда я, уже бегло проглядывая энциклопедию Ороша, узнал, что вампиром был также и Иосиф Сталин, я едва не прослезился от восторга. Как жаль, что в российских либеральных СМИ не читали эту энциклопедию! Они бы на нее ссылались… Хотя как по мне – так в этих СМИ самые настоящие вампиры и собрались.

Я отложил последний, пятый том. Вздохнул.

Бедолага Орош пал жертвой своей сверхценной идеи. Как я понял, ему попалась компания вампиров-шутников (бывают, бывают…), которые с удовольствием навешали ему лапши на уши. И про обычаи вампиров, и про мировую историю с их точки зрения…

Наверное, среди массы фантазий, шуток и розыгрышей, которые он доверчиво записывал и пересказывал, были и здравые зерна. Только как их найти?

Пожалуй, единственное, что касалось возможности оживления вампиров, – это история о Вечном вампире, очень вольно переработанная с истории Вечного жида. Вечный вампир, правда, обидел не Христа, а Мерлина – но с похожими последствиями. Отныне он должен был бродить вечно, но не мог выпить крови – она жгла его огнем, поэтому, терпя немыслимые муки, питался в основном вином (что было крайне странно и непоследовательно, учитывая непереносимость вампирами алкоголя).

Впрочем, я вдруг подумал, что все известные мне рецепты предлагали обливать вампиров крепкими спиртными напитками. Может быть, вино они способны пить? Да ну, бред какой-то!

Было еще упоминание о том, что самые доблестные (ох и слово подобрал венгр!) и отважные вампиры могут быть оживлены Богом Света и Тьмы после упокоения. Но тут даже Орош не особо фантазировал.

Проглядев последние документы, я узнал, как Орош закончил свою жизнь. Нет, его не выпил вампир, и его не застрелили советские солдаты, чего я смутно боялся, увидев дату смерти. Плевать ему было на политику, а вампиры его не трогали. Орош простыл, гуляя в осеннем парке, заболел менингитом, к целителю сразу не обратился, а человеческий врач не справился. Нелепая смерть!

Я сложил все документы в коробку и пошел на кухню. Заварил чай. Тут как раз и вернулась Светлана – с двумя пластиковыми пакетами исполинского размера.

– Ну, могла бы предупредить, – упрекнул я ее. – Съездили бы в магазин вместе.

– Увлеклась, – сказала Светлана. – Не собиралась так нагружаться. Проводила Надьку, а потом думаю – загляну в «Ашан»…

– Что-то ты долго. – Я глянул на часы, разгружая набитую овощами сумку. – Четыре часа салат выбирала?

– Я вначале покрутилась вокруг школы, – призналась Светлана без стеснения. – Ты, конечно, зря паникуешь. Но я все-таки посмотрела, как там и что…

– И?.. – Я закончил с первой сумкой и взялся за вторую.

– Охраняют, – усмехнулась Светлана. – Один наш, двое из Дневного Дозора, один Серый, из Инквизиции.

– Серый? – удивился я.

– По происхождению он Светлый, – сказала Светлана. – Но у них у всех такой оттенок… общий…

Я хмыкнул. Я таких деталей в ауре Инквизиторов не замечал. Хотя и чувствовал какую-то общность у них всех…

А потом мои мысли стремительно понеслись в другом направлении.

– Один Светлый, двое Темных и Инквизитор? – переспросил я.

– Да. – Светлана сразу напряглась, почувствовав мой тон.

– Не может быть. Паритет нарушен. Либо двое наших, либо один Темный.

– Они могли засчитать Инквизитора… как Светлого… – растерянно сказала Светлана. Она сама себя сейчас уговаривала, ей ведь надо было и самой сразу понять, что такой расклад невозможен. Но Светлый-Инквизитор сбил ее с толку. Она приплюсовала его «на нашу» сторону и успокоилась.

– Про Инквизитора никто не знал, – сказал я, захлопывая холодильник и глядя Светлане в глаза. – Его только Надя чувствовала. Я – нет. И Дозоры про него не знали. Надя говорила про одного Светлого и одного Темного…

Через секунду мы уже были в подъезде и бежали вниз по лестнице. Пожалуй, можно было не спешить – если ничего не произошло за четыре часа, то уже ничего скорее всего не случится. Но мы бежали. Провешивать портал было бы дольше, даже в машину садиться и ехать – дольше. В Сумраке школа

изолирована, и на открытие прохода тоже уйдет немало времени. Бежать через дворы – две минуты.

И мы бежали, зная, что либо можно не спешить вообще, либо мы уже давно опоздали.

Бегущий человек в современном городе – нечастый гость. Плестись вдоль витрин – часто. Идти быстрым шагом – всегда. А вот бежать… Для этого есть две ситуации: короткий спринт к остановке в надежде поймать уходящий автобус и ежедневный спурт сторонника здорового образа жизни – где-нибудь в парке или рядом с ним, заткнув уши затычками плеера и натянув спортивную форму.

Человек, который бежит не к остановке и не в спортивной форме, вызывает невольное подозрение. От кого он убегает? За кем гонится? Быть может, это вор-домушник, которого спугнула сигнализация? Или насильник, напавший на женщину в лифте? Гражданам ужасно хочется присоединиться к погоне, поучаствовать в самом древнем человеческом развлечении!

Но нет криков «Держи вора!» или «Хватай злодея!». Бегут мужчина и женщина, одеты неспортивно, но вид такой, будто рады будут кому-то засветить в глаз.

И эгоизм городской жизни побеждает. Граждане отводят глаза – бегут и бегут, значит, так и надо. Только морозостойкие бабушки, гуляющие с внуками или коченеющие на скамейках, украдкой тянутся за подаренными внуками телефонами – чтобы запечатлеть бегущих на мутный фотоснимок. А вдруг придут полицаи, начнут спрашивать, кто свидетель? А тут уже и фоточка есть! Пока в России есть бабушки – ни один вор не может чувствовать себя спокойно.

На нас смотрели с живейшим интересом. Кто-то из числа то ли самых любопытных, то ли отзывчивых окликнул: «Что стряслось?» Мы не ответили, нас не задерживали. Мы пронеслись через три двора и выбежали к ограде школы.

Ну да, три. Надя была права, а я – нет. Но это были большие дворы, особенно третий, так что я имел полное право сказать «до школы четыре двора».

Возле ограды мы не сговариваясь остановились. Переглянулись.

– Вроде все тихо, – сказал я. Посмотрел сквозь Сумрак – в здании школы желтели и зеленели туманные пятна аур. Школьники, ничем не напуганные, не раненые. На первом слое Сумрака, как положено, школа густо заросла синим мхом, растением-паразитом, единственным представителем флоры и фауны сумеречного мира.

Светлана тоже расслабилась. Мы улыбаясь смотрели друг на друга. А потом вновь повернулись к школе.

– Слишком тихо, – сказала Светлана.

Школа – это ведь не только первоклассницы с белыми бантами, чтение стишков на линейке и лес рук от рвущихся отвечать детишек.

Это еще двойки, это обидные прозвища, это нагоняй от директора и запись в дневнике красными чернилами, это несчастная любовь и зуботычина от хулигана, это проигрыш в волейбол и украденный смартфон.

Это очень, очень, очень много эмоций! Это кипящий котел, из которого плещет Сила. Потому школы и обрастают синим мхом, он жрет человеческие эмоции. И не бывает у детей в школе таких вот одинаково умиротворенных аур.

– Пошли, – сказала Светлана. Как-то странно повела левой рукой – и я заметил, как в воздухе засверкали крошечные быстрые искорки, образуя невидимый бесплотный овал. Какая-то локальная защита, что-то вроде Щита Мага, но активированного заранее, в «ждущем режиме». Мелькнула мимолетная мысль, что надо будет выяснить, как она это делает.

– Гесер… – позвал я, двигаясь вслед за Светланой. Мы даже не обсуждали, надо ли вызывать подмогу и кто будет это делать. – Гесер…

Я добавил в голос чуть больше Силы.

«Антон?»

– ЧП в школе у Нади.

«Код?» – В критической ситуации шеф не тратит времени зря.

Я хотел ответить «шесть», что означает «критическая ситуация в месте большого скопления людей, возможны жертвы», но тут Светлана остановилась и взяла меня за руку.

– Два, – сказал я. – Два – Серый.

Двойка – это критическая ситуация в месте большого скопления людей с доказанными жертвами. Серый – погибший принадлежал к Инквизиции.

Он лежал между огороженной металлической сеткой спортивной площадкой и главным входом в школьное здание. Судя по позе – он бежал к школе… Совсем молодой на вид парень с угасающей аурой Светлого Иного (и в этот раз я действительно уловил тот оттенок, который Света называла пыльным – будто общий светлый тон был припорошен темными крапинками). Уровень, конечно, уже был смазан, но не меньше третьего, ближе ко второму.

А еще парень был окончательно и бесповоротно мертв. Причем убили его так странно, что мне не приходилось о таком даже слышать.

Левая половина тела у Инквизитора была обуглена. Одежда частично сгорела, частично превратилась в ломкие черные хлопья. Ветер милосердно дул с нашей стороны, но даже сквозь него пробивался тошнотворный запах жареного мяса.

Правая половина тела у Инквизитора была заморожена. Точнее, проморожена – когда он упал, у него откололась рука в локте. Лед еще покрывал тело тонкой коркой, только на отколовшейся руке растаял, и она лежала в красной луже.

Я моргнул и послал Гесеру мысленный образ убитого Инквизитора. Шеф выругался. Очень грязно и витиевато. Нет, я не сомневался, что он знает русский досконально. Но это было очень затейливо. Но все-таки недостаточно по сравнению с тем, что мы видели.

«Ждите, – приказал Гесер. – На рожон не лезть. В здание не входить!»

Полагаю, он даже не надеялся, что мы его послушаем, но все-таки сказал то, что считал нужным.

– Гесер, какого уровня он был? – спросил я, отводя взгляд от мертвого тела.

«Лет семьдесят назад, когда мы встречались, у него был второй. Сейчас, наверное, первый».

– Он был первого уровня, – сказал я Светлане, когда мы двинулись к дверям школы, обходя убитого с наветренной стороны.

Света не ответила. И так все понятно – убить Иного первого уровня, да еще Инквизитора, с их особыми заклинаниями и хитрыми амулетами – это очень сложная задача. Даже для Высшего Иного – это как минимум тяжелый и опасный бой с непредсказуемым результатом. С Инквизитором же расправились мимолетно и убедительно. Еще и бросили возле входа как предупреждение.

Я размял руки, потряс пальцами, «навешивая» на них заклинания. И поймал себя на том, что непроизвольно делаю перекос в сторону защитных. Что ж, посмотрим. Двое Высших Иных – не один первого уровня.

Мы вошли в школу.

* * *

Первые тела я увидел в вестибюле возле гардероба – двое мелких, лет десяти, мальчишек. Судя по всему, нападение произошло во время урока, детей вне классов практически не было.

Светлана нагнулась над одним, я – над другим.

– Спит, – сказала жена.

– Дрыхнет, – подтвердил я. – «Морфей»?

– Это сработал Надькин браслет, – сказала Светлана. – Ты что, не понял?

И тут до меня дошло. Помимо того что за Надеждой непрерывно ходили двое… нет, как оказалось – трое охранников-Иных, на ней с самого детства еще и болтались защитные амулеты. Какие-то свои сразу после рождения Нади пытался навязать Гесер, но выслушал от Светланы такую отповедь, что заткнулся навсегда.

Амулеты выбирала и заряжала Светлана. Большая часть из них ушла вместе с младенчеством (я уже не помню, чем она заряжала пустышки, но защитная магия в них была), сменилась заколдованными игрушками (если бы вы только знали, что способен был сделать с человеком Надин плюшевый мишка, – у вас волосы бы встали дыбом). Сейчас амулетами служили украшения – как оно всегда и было у женщин.

Мой вклад в безопасность дочери был невелик. Работа с артефактами – это больше женская магия, недаром ее так любят ведьмы. Но все-таки левая сережка в ее ушке была заряжена мной – в случае недружественного внимания к Наде она генерировала «сферу невнимания» такой силы, что любой человек, зверь или Иной, будь он хоть умирающим от голода оборотнем, начисто утратил бы к Наде интерес.

Надя к этой сережке относилась с большим подозрением. Она считала, что сережка периодически фонит и отпугивает безобидных кавалеров. У нас из-за этого даже состоялся серьезный разговор, я объяснил Наде, как меня обижает такое недоверие, и она извинилась.

Хорошо, что при всей своей силе дочь пока не умеет работать с тонкими материями. Ну конечно же, сережка иногда фонила. Чуть-чуть… Когда Наде исполнится восемнадцать – перестанет. И не надо меня упрекать, если у вас нет дочери-подростка!

Еще я заряжал цепочку, на которой Надя носила подвеску. С подвеской работала Светлана, а вот с цепочкой – я, повесив на него «серый молебен» – заклинание против нежити, то есть – в первую очередь – против вампиров. Ну и на серебряном браслете с наборными висюльками я зарядил одну – маленькую книжку с надписью «Fairy Tales».

(Понимаете, почему ведьмовство и магия артефактов – в основном женская доля? Им есть на что записывать заклинания. Нам, мужикам, остаются часы да

запонки – чего явно недостаточно.)

Заклинание, вбитое мной в серебряную книгу сказок, было «волкодавом» – мощным заклинанием, нацеленным на оборотней. Их оно отпугивало, а если те все-таки атаковали – могло и убить. Вампиров «волкодав» тоже отпугивал, хотя и был менее совершенен. Из недостатков за ним числилась низкая избирательность – Светлые маги-перевертыши получали по полной, как и оборотни.

Браслет с девятью подвесками (шарики, фигурки, чашечки, книжечки) и был основной защитой Нади. Я в принципе знал, как она построена, и теперь мог примерно представлять произошедшее.

– Все в порядке, – сказал я. – Света, все должно быть в порядке. Артефакты отработали.

…Вначале должны были пробудиться защитные заклинания, вроде той самой сережки. «Сфера невнимания», меняющая облик «паранджа», еще несколько заклинаний, целью которых было увести агрессора в сторону, отвлечь. Если они не срабатывали, то шел магический сигнал о помощи (впрочем, больших надежд я на него не питал – все подобные сигналы можно заглушить. Вот и сегодня никаких призывов о помощи не было), а потом срабатывали атакующие заклинания – против людей, против Иных, особо – против вампиров и оборотней…

А «Морфей» был одним из звеньев последней линии обороны. Уж если он сработал, погружая всех людей вокруг в магический сон, то, значит, ситуация критическая. Врага не удается ни отпугнуть, ни уничтожить.

И значит, надо защитить Надю и минимизировать ущерб для окружающих. А что самое безопасное для людей, если рядом с ними начинают свои разборки Иные? Правильно – сон.

Мы двинулись в глубь школы. Двинулись осторожно, как солдат по захваченной врагом территории. Я шел чуть впереди, готовый к атаке или контратаке, Светлана чуть позади и по левую руку.

Но врага не было. Был еще один спящий паренек – постарше Нади, пожалуй. В руке он сжимал пачку сигарет – шел из школы курить, паршивец!

А потом мы увидели охранника, обычно дежурившего между просторным вестибюлем с раздевалкой и собственно зданием школы. Тут у него стояли стол и стул, на столе лежал какой-то журнал, куда он вроде бы должен был записывать посетителей, но никогда на моей памяти этого не делал. Подобные вахтеры-охранники обычно заняты просмотром телевизора или чтением бульварных журналов. Этот мужик телевизор не смотрел за неимением и ничего не читал в связи с нежеланием. Когда ни детей, ни взрослых у его поста не было, он доставал простенький мобильник и играл на нем в тетрис. Четыре года, которые ходила в эту школу Надя, он играл в тетрис – и, по-моему, даже не подозревал о существовании иных игр.

В общем, мужичок был простой, незамутненный, после службы в армии поработавший там по контракту пять лет, а потом отправленный в отставку. Ибо армия меняется вместе со страной, и таким простым ребятам там все меньше работы.

Спросите, откуда я это знаю? Да я вам про каждого учителя Нади могу подробную биографическую справку привести.

Так вот, сейчас этот недалекий, некрасивый, неумный и в общем-то совершенно чуждый мне человек лежал у стены – врезавшийся в нее с такой силой, что кое-где отвалилась штукатурка. Школа у нас старая, построенная на совесть, никакого гипсокартона и прочей фанеры – если уж столетняя штукатурка отваливается, так только вместе с частью кирпичей.

Охранника швырнули с такой силой, что кирпичи не выдержали. Как и его череп – под головой была лужица темной крови. Вампиры, если уж не кусают или не очаровывают, предпочитают самое простое, силовое решение конфликтов.

– Жив, – внезапно сказала Светлана. Сделала короткий пасс рукой – послав в сторону бедолаги какое-то заклинание. – Выглядит страшнее, чем на самом деле. Даже позвоночник цел.

Хоть Светлана и шла позади, но она направляла меня – то движениями, то едва уловимыми мысленными указаниями. Сумрак внутри школы был абсолютно чист, никаких следов сражения, никаких аур Иных, в том числе и дочери. Только ауры спящих детей и преподавателей, ну и тусклая, едва заметная аура потерявшего сознание охранника.

Сейчас не время было об этом размышлять. Но я все равно думал, что этот неказистый и глуповатый дядька не убрался с дороги перед разъяренной вампиршей, только что убившей Инквизитора. Многие ли из умных, красивых, сильных были бы способны на такое? Не знаю. Но тихий ехидный голосок, который порой звучит в нашей душе, чтобы заглушить голос совести, в тот же миг прошептал: «Так, может быть, он потому и не убрался с дороги – что дурак?»

Я кивнул этому голосу. Да. Может быть, именно так. И раз я слышу в своей душе этот голос – значит, я уже настоящий Иной. Но если я все-таки не соглашаюсь с этим голосом открыто – я все еще Светлый.

Глава 3

Даже в детстве, выходя посреди урока из класса, чувствуешь какую-то особую атмосферу школы. Она даже не то чтобы тревожная. Скорее, чувствуешь себя неуместным – как это так, все на уроке, а ты идешь по коридору? Непорядок! Когда ты взрослый, это ощущение только усиливается.

– Третий этаж, – негромко сказала Света за спиной.

– Я не чувствую, – пожаловался я, поднимаясь по лестнице.

– Я тоже. – Голос у жены был совершенно спокойный. Слишком спокойный для ситуации, и это обещало кому-то в будущем очень серьезные неприятности. – Зато я вспомнила ее расписание. Сдвоенная математика в триста шестом кабинете и английский в триста восьмом.

Коридор третьего этажа был совершенно пуст. Я с тоской глянул в окно – не оцепили ли школу оперативники Ночного (да пусть бы хоть и Дневного) Дозора,

не шествует ли по двору Гесер, великий и ужасный.

Нет. Пусто. Только труп Инквизитора.

Кстати, а где же охранник от Ночного и охранник от Дневного Дозоров? Скорее всего мертвы – просто не попались нам на глаза…

Вначале мы заглянули в триста шестой кабинет. Наша математичка Любовь Егоровна спала за своим столом. У доски стоя, привалившись к ней головой, спал рыжий очкастый мальчик. Весь остальной класс спал за партами. Все были умиротворены, всем снились хорошие сны. Вот только класс был другой, то ли параллельный, то ли на год младше.

Светлана тихо прикрыла дверь, и мы двинулись по коридору к триста восьмому кабинету. Стояла все та же мертвая тишина, даже город, казалось, замер вокруг. Я вдруг подумал, что тишина уж слишком глубокая… не применен ли какой-то магический шумодав? Но даже если враг для каких-то целей это сделал, нам сейчас это на руку.

Мы подошли к двери. Переглянулись. Светлана кивнула. И я плавно открыл дверь – не то чтобы ожидая наткнуться на засаду, скорее перестраховываясь. Можно врываться в помещение, выбивая дверь ногой. Можно пытаться просочиться, открывая ее по сантиметру в минуту. Но ничуть не худший эффект – если просто открыть дверь уверенно и спокойно, как человек, имеющий на это право.

Я открыл дверь – и мы с женой дружно выдохнули, увидев Надю.

«Последний рубеж защиты» состоял из трех заклинаний, срабатывающих одномоментно.

Первое насылало на окружающих «Морфей». При удаче он мог зацепить и нападающих, но основной его целью было вывести из-под удара людей.

Второе посылало тревожный сигнал в офисы Дозоров и нам со Светланой. Вот как раз на это заклинание я не особо рассчитывал, и, как выяснилось, правильно – сигнал не прошел.

А третье – третье насылало на саму Надю «фриз».

Заморозка, которую у нас все предпочитают называть англицизмом, «фризом», всегда считалась мягким атакующим заклинанием. «Фриз» останавливал время – и враг застывал будто муха в янтаре, позволяя тебе обдумать, что же с врагом делать и каким заклинанием угостить.

Но были у «фриза» очень серьезные недостатки. Во-первых, Иному от него можно было довольно легко защититься, так что использовался он в основном против людей или животных. Во-вторых, пока противник находился под действием «фриза» – с ним ничего нельзя было сделать. Абсолютно ничего – ибо он для нашего мира переставал существовать. Нет, объект, подвергшийся темпоральной заморозке, был виден, его окружало слабое голубое сияние, а при касании он казался затянутым в упругую пленку. Но прорвать эту пленку нельзя было ничем, никакими магическими или материальными средствами. Как объясняли ученые, «хотя объект кажется доступным нашим органам чувств, на самом деле мы наблюдаем лишь проекцию, а самого объекта в нашей Вселенной временно нет». В-третьих, «фриз» требовал длительной подготовки, его надо было либо заранее «держать на пальцах», либо записать на артефакт.

В нашем случае все недостатки превращались в достоинства. Обращенный на Надю «фриз» делал ее совершенно недосягаемой для врагов.

Надя застыла у окна, судя по позе, она бежала и собиралась прыгнуть в окно. Прямо через стекло. С третьего этажа.

Для Абсолютной волшебницы, уже умеющий управлять своей Силой, это не очень характерно. Секунду я смотрел на окутанный синеватым сиянием силуэт Нади, потом решил, что она не удирает, а догоняет кого-то. Альтернатива мне очень не нравилась.

А потом мое сознание увидело всю картину целиком, и я совсем расслабился.

Рядом с Надей стоял Денис – Светлый боевой маг из Сибири, то ли из Омска, то ли из Томска, я, как типичный москвич, вечно их путал, вызывая у Дениса ухмылку. Парень он был молодой и перспективный. То, что он охранял Надю, я не знал, но считал это очень хорошим выбором.

Темного мага из Дневного Дозора я не знал. Но, похоже, тоже из молодых, амбициозных, с удовольствием согласившихся поработать на охране Абсолютной девочки. Пожалуй, он был даже слишком молод и смазлив, чтобы я не смотрел на него с подозрением. Ходят тут такие вокруг наивных школьниц, а те потом в Темных начинают влюбляться. Ненавижу все эти человеческие глупости, культ вампиров и прочего зла! Вначале шуточки, хиханьки-хаханьки, «Драко Малфой душка», «Эдвард красавчик», а потом начинают котят в подвалах душить и молитвы задом наперед читать…

– Я редко применял это заклинание, – сказал Денис. Они с Темным еще не заметили нашего появления. – «Фриз», темпоральная заморозка. Если не знать код снятия, то никак не пробьешь. Кстати, кода может и не быть, придется ждать, пока рассосется само.

– Нет времени, – озабоченно сказал Темный. – Можно ли ее сдвинуть?

Он уперся Наде одной рукой в затылок, другой в поясницу и изо всех сил толкнул. Я понимал, что дочери ничего не сделается, что они просто пытаются быстрее эвакуировать ее в безопасное место, но его бесцеремонность меня покоробила. Темные!

– Может, поднять? – предложил Денис и попробовал подхватить Надю под попу. С тем же успехом.

– Она должна быть завязана на какие-то опорные точки, – рассуждал Темный. – Я что-то вспоминаю… На центр Земли, может быть?

– «Фриз» завязан на условные пространственные векторы, двоечник, – неожиданно зло сказала за моей спиной Светлана.

Дозорные развернулись.

– Что тут стряслось, ребята? – спросил я как можно дружелюбнее, чтобы сгладить резкость жены. – Там убитый Инквизитор во дворе…

Дозорные не сговариваясь выбросили в моем направлении руки. Денис – левую, Темный маг – правую. Свободными руками они сцепились друг с другом.

Только тут до меня дошло. Это не вампирша убила Инквизитора, ранила охранника и напугала Надьку так, что она попыталась выпрыгнуть в окно.

Это двое дозорных! Светлый и Темный! Дозорные-предатели!

Я видел их ауру, и Денис был Светлый, абсолютно, беспримесно Светлый, а парень из Дневного Дозора был Темным, но они стояли взявшись за руки будто влюбленные геи и собирались сейчас долбануть по нам тем же заклинанием, что убило Инквизитора…

Волна адского огня и порыв космического холода разбились о выставленный Светланой Щит. Это был именно Щит Мага в какой-то незнакомой мне модификации.

Щит выдержал. Понятное дело, что хорошо накачанный энергией Щит Мага может выдержать все, что угодно. Я это сам проверял. И понятно, что построенный Великой Щит должен выдержать удар двух обычных, ранговых Иных.

Но это был удар такой силы, что на мгновение мне показалось, что Щит лопнет.

Дверной проем по правую руку от меня даже не загорелся, он просто рассыпался в пепел, и часть стены развалилась в прах, и по полу прошла глубокая черная борозда – будто ручеек лавы протек. Ноги стало припекать сквозь подошвы ботинок.

По левую руку от Светланы стена с тонким печальным звоном стала раскалываться на куски. Я уж не знаю, до абсолютного нуля она охладилась или все-таки нет, но на такой перепад температур строители явно не рассчитывали.

Дозорные медленно опустили руки. Кажется, они не ожидали, что мы останемся живы. Да что они, я уж и сам этого не ожидал!

– Я думаю, – негромко сказала Светлана, – что в целях безопасности мне придется убить одного из вас. А уж о том, что здесь произошло, расскажет второй. Единственное, что вы можете сделать, чтобы уцелеть, – немедленно сдаться.

Это была хорошая, правильная речь. Тем более совершенно искренняя, я чувствовал, что Светлане хочется кого-нибудь сейчас убить. На месте этих неправильных дозорных я бы сдался.

Светлый и Темный дозорные переглянулись.

И я понял – нет, они не сдадутся. Кажется, несмотря на их удивление нашей стойкостью, они вовсе не напуганы. Они не считают, что выложились на всю катушку. Они готовы продолжать.

Где же Гесер?!

Я ударил сразу по обоим. Плевать, что Денис «свой» – сейчас не время разбираться, предатель он или находится под каким-то заклятием.

В дозорных прошла серия мелких заклинаний, основное достоинство которых было в их разнообразии. Классика боевой магии – файербол, старое как мир Тройное Лезвие – хоть дрова поколоть, хоть человека; «белое копье» – поток тепловой энергии и Опиум – даром что «Морфей» не сработал, и «терка», которую я держал в силу нестандартности. Атаки бытовой магией обычно не ждут, а после того как «терка» пройдется по коже, врагу обычно не до волшебства.

Расчет у меня был простой – набор разноплановых атак перегрузит защиту дозорных, они должны будут отвлечься, это даст нам время на нормальную атаку. Мало кто из Иных, не принадлежащих к Высшему уровню, способен атаковать каскадом из четырех-пяти заклинаний одновременно. И отбить такую атаку тоже нелегко…

Я ожидал чего угодно. И удачи – тогда противники рухнули бы, пронзенные невидимыми лезвиями, прожженные струей огня, охваченные пламенем, с содранной кожей и спящие… Да уж – чудовищная картина! И неудачи – не дураки же наши коллеги, наверняка на них и Щит Мага, и какой-нибудь защитный амулет, готовый выстроить «хрустальный шар» или Сферу Отрицания.

Так оно обычно и бывает в бою, если честно. Первые атаки гаснут в Щитах. Потом энергия защитных заклинаний кончается, и противник… Обычно противник сдается.

Но того, что произошло, я даже представить не мог! Все заклинания попали в цель. Я видел, как лопнула куртка на Денисе, в которого вонзились три невидимых клинка. Как загорелось пальто Темного, пробитое «белым копьем», и он шатнулся от удара. Как обоих охватило пламя и как мазнула по ним «терка».

И ничего!

Денис стал стряхивать с лица огонь (хороший файербол липнет к коже, как напалм) вперемешку с кровью. Ран он словно и не заметил. А Темный начал плести какое-то свое заклинание.

Меня подвела логика. То, что я видел, могло происходить в одном-единственном случае – если и Денис, и Темный маг были уже мертвы. Обращены в вампиров или подняты из мертвых. Тогда им было бы плевать на огонь и раны.

И я выложил все силы, что сейчас были мне доступны, в «сером молебне», самом простом, надежном и безотказном заклинании против нежити. Единственное, от чего зависит, сработает ли «серый молебен», – сила заклинания.

Я ударил так, что развоплотил бы всех вампиров километров на десять-двадцать в направлении заклинания. Так сильно я бил только однажды, давным-давно, в Саратове, пытаясь уничтожить своего друга-врага Костю… Нет, если честно, там я бил еще сильнее, меня накачали Силой Гесер и Завулон, кажется, в тот раз я действительно развоплотил нескольких вполне законопослушных вампиров.

Но тогда я был куда менее опытен. Сейчас я не расплескивал «серый молебен» во все стороны, я сжал его в пучок, направленный на дозорных, и еще немного задрал вверх – так что заклинание должно было пройти над землей вверх, в небо.

Если кто-то из вампиров в этот момент пролетает мимо на самолете – я не виноват…

Когда используешь «серый молебен», мир будто выцветает – это проглядывает в нашу реальность Сумрак. Нежить этого не выносит, как мне однажды рассказали – вся она существует за счет разности магических потенциалов нашего мира и Сумрака.

Вот и сейчас мир выцвел, как старая кинопленка, по дозорным мазнуло серой волной. Они, похоже, это заметили – переглянулись. Но даже не подумали рассыпаться в прах. Они стояли окровавленные, пробитые, в огне. Они не могли быть живыми. Но и мертвыми они быть не могли.

Да что же они такое?!

И тут совершила свою ошибку Светлана. Ошибку вполне простительную. Как говорил Шерлок Холмс, «отбросьте невозможное – и самое невероятное окажется истиной». Она увидела все то же, что и я. И пришла к логичному выводу – дозорные живые, но они находятся под Доминантой, заклинанием безусловного подчинения. Потому и убили Инквизитора. Потому и нападают на нас. Потому и не обращают внимания на раны и боль.

Светлана наложила на них три заклинания подряд, причем это были заклинания, не заготовленные заранее. «Реморализация» – дозорные должны были освободиться от любой навязанной парадигмы поведения, вернуться к своей базовой морали. «Барьер воли» – если ими управляли напрямую, как куклами-марионетками, то связь должна была быть разрушена. И «сфера спокойствия» – надежная защита разума.

Если бы дозорные подчинялись какому-то могучему Иному, то сейчас они пришли бы в себя. Но они засмеялись! Самое обидное было в том, что они поняли тактику Светланы, и она вызвала у них веселый смех! Они стояли, истекая кровью, на них уже загорелась одежда – а они смеялись, причем искренне, даже с какой-то доброжелательностью, будто взрослые, оценившие усилия детей, читавших стишки и плясавших на утреннике в детском саду.

И в этот миг мне стало страшно. Похоже было на то, что мы, Высшие, этих ребят ничуть не пугаем.

А в следующий миг они стали нас ломать. Дозорные не мудрствовали – они использовали Пресс, давили чистой Силой. Зная Светлану, я был уверен, что ее Щит заряжен на совесть, но выдержал он секунды три, не больше. За это время Светлана успела поднять новый Щит, я влил в него все, что у меня еще оставалось, – но и этой защиты хватило секунды на две-три.

Потом нас швырнуло через класс, через сожженную и вымороженную дверь – в коридор. В очень неудачно подвернувшуюся батарею центрального отопления под окном. Хорошо, что это был не старый ребристый чугун, но и современная дюраль мягкой не показалась. От удара у меня перехватило дыхание, на миг потемнело в глазах. Через секунду я пришел в себя и поймал взгляд Светланы. Давно она на меня так не смотрела – растерянно, жалко.

– Извини, – прошептала она. – Я что-то не рассчитала…

Дозорные шли к нам, на время оставив Надю во «фризе». Шли без спешки, но и не медля. Огонь на них погас, Темный маг на ходу стряхивал с пальто хлопья сажи.

– Денис… – сказал я, с трудом вставая. – Денис, опомнись. Я Антон Городецкий. Мы работаем в одном Дозоре. Мы… приятели.

– Какие мы приятели, мы виделись-то раза три, – ответил Денис с улыбкой.

И это опять было так ненормально, так дико, что захотелось кричать. Он вел себя как обычно!

Я отступил, прижавшись к стене, уткнувшись спиной в идущую снизу вверх горячую трубу отопления. Потянулся к тем резервам Силы, которые, став Высшим, привык считать неисчерпаемыми. Увы! Все было истрачено начисто. Минута-другая, и Сила снова стечется ко мне – но у меня не было этих минут.

Дозорные снова взялись за руки. Было ли это им необходимо, или просто облегчало магию?

В отчаянии я потянулся, пытаясь достать Силу из Надькиных одноклассников, но они были в зачарованном сне, в таком состоянии люди очень плохие доноры. Рядом была Надя – на самом деле неисчерпаемый источник Силы, но она была запечатана «фризом».

– Держи… – прошептала Светлана, и я поймал посланный ею сгусток энергии. Совсем крошечный. Жалкий. Достойный Иного седьмого уровня, а не Высшей Светлой волшебницы. Светлана беспомощно улыбнулась, словно извиняясь

передо мной.

Горячая труба центрального отопления больно жгла меня от лодыжки и до лопатки. Толстая, крепкая труба.

Я развернулся, и последняя капля Силы, которую влила в меня Светлана, рассекла трубу у пола и потолка. Я вырвал трубу – две струи горячей воды ударили вверх и вниз из обрезков, обдавая меня кипятком, и оставалось лишь радоваться, что в школах запрещены системы парового отопления.

И этой трехметровой трубой, размахнувшись через весь коридор, я огрел Светлого мага Дениса по шее. Что-то хрустнуло, он издал сдавленный вякающий звук, голова его наклонилась под таким углом, какого у живых не бывает – люди они или Иные, не важно.

Но умирать Денис не собирался. Он закружился по коридору, удерживая голову руками и будто пытаясь вправить ее. Словно череп слетел с какого-то шарнира на позвоночнике и его можно просто поставить обратно…

Темный все-таки ударил, но прицел у него сбился. Горячая вода, хлещущая из обрезков трубы, мгновенно застыла ледяным сталактитом и ледяным сталагмитом. Но любоваться этим было некогда – я ткнул Темного в живот, навалился, издав яростный вопль, толкнул вперед – и впечатал в стену коридора. Труба скользнула по животу Темного и воткнулась в дыру, оставленную «белым копьем». Я даже слышал звук, с которым труба ударила в стену…

Наступила короткая нелепая пауза – за моей спиной похрустывал лед и неуверенно пыталась встать Светлана, Светлый Денис кругами носился по коридору, пытаясь водрузить голову на место, Темный смотрел на меня округлившимися глазами, насаженный на трубу, будто жук на булавку.

Потом все опять стало плохо.

Светлана упала – видимо, ей очень сильно досталось. Темный схватился за трубу и начал идти ко мне, перебирая руками и пропихивая трубу сквозь себя. А у Дениса голова с хрустом встала на место. Я скосил на него взгляд – Светлый дозорный смотрел на меня очень нехорошо. С обидой смотрел.

– Света, беги! – крикнул я, понимая, что она никуда не убежит, раз и подняться-то не может. Я бы крикнул «прыгай в окно!», но это слишком напоминало неудачную попытку Нади убежать…

– Тебе конец! – сказал Денис. Голос у него изменил тональность, похоже, мой удар повредил голосовые связки. – Я тебя выверну наизнанку…

Кажется, это была не фигура речи. Я и сам мог бы придумать два-три заклинания, дающих такой неаппетитный эффект.

Но в эту секунду все опять поменялось. Откуда-то из пустоты, из теней и бликов света, вырвалась стремительная тень. Я не мог различить ни лица, ни даже фигуры – с такой скоростью двигался вампир. Я видел лишь темную ауру нежити.

Вампир снова сломал Денису шею – именно сломал, я услышал тот жуткий хруст, который невозможно забыть. И метнул через весь коридор – Светлый кубарем покатился к лестнице. В следующий миг трубу вырвали из моих рук, она дважды обернулась вокруг Темного и пронзила его еще раз. Темный заорал, скорее от возмущения, чем от боли, – и отправился в полет вслед за Денисом.

Я ожидал, что спятившие дозорные нападут снова. Но не тут-то было! Денис помог подняться Темному – и оба исчезли на лестнице.

Сделав шаг к Светлане, я присел рядом с ней на пол. У меня тряслись и руки, и ноги. Скорее психологическая реакция – лишенный Силы, я чувствовал себя голым.

Вампира уже не было.

– Вот, – сказала Светлана и облизнула губы. – А ты боялся. Она не охотилась на тебя… или Надю… Она нас защищала.

– Она? – уточнил я. – Ты разглядела?

– Нет. Но такая эмоциональность. Чисто женская. Не находишь?

Я взял ее за руку.

– Ты как?

– Мне очень и очень не помешает магия, – сказала Светлана. – Желательно в ближайшие две-три минуты.

– Да что с тобой?

– Ребро сломано. – Она улыбнулась. – И очень неудачно. Пробило сердце.

– Твою… – выдавил я, на четвереньках двигаясь к классу. – Твою налево… сейчас… Ты только глупостей не делай!

– Пару минут. Обещаю, – еле слышно сказала Светлана.

До закованной во «фриз» Нади я так и добежал на четвереньках. А потом встал и потянулся губами ко лбу дочери.

Так «фриз» развеялся бы к вечеру. А от поцелуя – мгновенно.

Мне пришлось повиснуть на Надьке всем телом, чтобы она не сиганула в окно. Для нее-то ничего не было: рывок к окну – и вдруг мокрый, мятый, дико выглядящий отец возникает из ниоткуда и едва не валит на пол.

– Надька… мать в коридоре, живо! – рявкнул я, падая на ближайший свободный стул. Рядом со мной блаженно похрапывала девочка с внешностью круглой отличницы. Мне тоже хотелось отключиться и уснуть, словно весь адреналин в крови превратился в валерьянку.

А Надя уже была в коридоре. Я чувствовал, как там полыхнуло Силой – Надя что-то сделала сама, потом влила энергию в Светлану. Все абсолютно беззвучно, без слез и причитаний. У меня боевые девочки!

Потом я почувствовал такой заряд энергии, будто залпом выпил целый кофейник. Встал и крикнул:

– Спасибо, доча!

Осмотрелся. Да, поле боя впечатляло. Особенно вынесенная огнем и льдом дверь. Группе зачистки придется поработать… Только где же она? И где же шеф?

– Гесер, к тебе взываю! – выкрикнул я древнюю как Сумрак формулу призыва учителя. – Гесер, к тебе взываю! Гесер…

– Да не ори ты, – раздалось у самого уха.

Я обернулся. Пресветлый Гесер, он же Гэсэр, он же Гесэр, он же Джору-сопливый, он же Борис Игнатьевич, он же Берл Глайхгевихт (что было очень малоизвестно, а я узнал случайно, в ходе задушевной дегустации с одним еврейским боевым магом), он же Богорис Пресианович (что я узнал совсем уж удивительным образом и помалкивал о своем знании), итак – пресветлый Гесер, Высший маг и маг вне категорий, Светлый Иной, победитель демонов и Сын Неба, герой Тибета и Монголии, главный персонаж народного эпоса Гесериада, почитаемый калмыками и удостоенный огромного конного памятника в Бурятии, руководитель Ночного Дозора Москвы, а значит, по факту, и всей России, – стоял за моей спиной.

Точнее – не совсем стоял. Он отлипал от стены и пола, обретая человеческую фигуру, собираясь воедино, как жидкий робот-терминатор из популярных фильмов. Несколько секунд я обалдело наблюдал за этим процессом. Часть Гесера, кажется, даже была прозрачной, расползшейся по стеклу.

– Давно вы тут, шеф? – спросил я. Посмотрел на руки – они дрожали.

– Достаточно давно, – уклончиво ответил Гесер.

И тут рядом с ним воздух потемнел, заискрился и сгустился в фигуру в темной одежде.

– Это невозможно, – сказал я, глядя на визитера. Почему-то его появление окончательно выбило меня из колеи. – Я могу придумать два… даже три способа спрятаться так, как шеф…

– Их не менее шести, – ответил Гесер. – И – не спрятаться, а замаскироваться.

– Но затаиться в Сумраке… – не реагируя на слова шефа, продолжил я. – Это невозможно. Я тут дрался, как вы, вероятно, заметили. Я смотрел сквозь Сумрак. Сквозь все слои. И сейчас еще смотрю. Вас тут не было.

– Портал? – предложил мне ответ Завулон.

Я покачал головой. Завулон вздохнул. Его взгляд быстро и цепко обежал класс, после чего он вздохнул и присел за парту, небрежно сдвинув локтем девочку-отличницу.

– Хорошо, подскажу. Я был между слоями Сумрака. Туда ты смотреть не умеешь. Учить не стану, и не надейся.

– А… – сказал я, будто способ, которым прятался Завулон, был сейчас важнее всего – включая причину, по которой Великий Темный вообще прятался. – Понял. Подумаю на досуге.

В этот момент в класс вернулась Надя в сопровождении Светланы. Если по дочери можно было сказать, что она взволнована, то Светлана никак не производила впечатления выдержавшей смертельный бой, проигравшей и только что умиравшей женщины.

– Гесер, – сказала она. – Завулон. Почему я не удивлена?

– Потому что ты нас чувствовала? – поинтересовался Завулон. Провел пальцем по школьной парте, лизнул палец, задумчиво кивнул, будто дегустировал редкое вино.

– Потому что я вас знаю, – глядя на Гесера, сказала Светлана. Взгляд у нее был недобрый. Неподобающий Светлой целительнице. Гесер нервно дернул головой.

– Светлана, все очень и очень серьезно. В такой ситуации гораздо важнее наблюдать и получать информацию, чем устраивать магический Армагеддон…

Меня вдруг пробило нервной дрожью.

– Если только ты использовал Надю как живца… – прошептал я, глядя на Гесера.

– Стоп! – рявкнул шеф. – Опомнись, Городецкий! И трижды подумай, прежде чем выдвинуть такое обвинение!

Он поднял руки, демонстрируя мне ладони и одновременно снимая защиту. Теперь я видел все его заклинания, «висевшие» на пальцах.

Я сглотнул. Шесть заклинаний были известными мне боевыми, пусть и с особенностями… крайне интересными. Четыре других были навешены в явной спешке. Три портала – настроенные на меня, Светлану и Надю. И Саркофаг Времен.

Судя по всему, Гесер был готов эвакуировать нас и отправиться в вечное заточение вместе с нападавшими.

– Простите, Гесер, – сказал я.

– Ты что, полагаешь, угроза вашей дочери, с которой не смогли справиться мать и отец – Высшие Иные, – это ерунда? – спросил Гесер. – Ты всерьез полагаешь, что я мог бы уложить… – он на миг запнулся… – предателей, если с этим не справились вы вдвоем? При вашей абсолютной слаженности?

– Мы наблюдали, – миролюбиво сказал Завулон. Улыбнулся, внезапно ослепительно-белозубо, как голливудский актер. В случае с актером либо вообще с любым обычным человеком все было бы понятно – выдернул зубы настоящие, поставил искусственные.

Но Завулон, конечно, просто их вырастил. Непонятно, правда, с чего он вдруг озаботился внешностью. Раньше у него зубы были как зубы.

– Это я понял, – огрызнулся я.

– Мы были готовы вмешаться, – продолжал Завулон. – Мы оба. Поверь, Антон, я не люблю, когда обижают моих сотрудников… и превращают их в марионетки!

– Как это вообще могло произойти… – начал я.

– Господа и товарищи, – внезапно сказал Гесер. – Команды зачистки и эксперты Инквизиции прибыли. Присутствующим осталось еще тридцать пять минут сна, за это время территорию приберут и наложат ложные воспоминания. Предлагаю проследовать…

– В мой офис, – внезапно сказал Завулон, усмехаясь. – Там и обсудим ситуацию. Мне неудобно, дорогой Гесер, все время приходить к вам и не иметь возможности проявить гостеприимство.

– Ты знаешь, что должен сделать, – без энтузиазма ответил Гесер.

– Во мне нет власти над вами. – Завулон вновь улыбнулся и развел руками. – Приглашаю вас в гости без злого умысла и помысла, гарантирую защиту и безопасность, свободный вход и выход, неприкосновенность физическую и духовную.

Он поднял ладонь – крошечный сгусток тьмы закружился над ней.

– Хорошо, – сказал я. – Так… тридцать пять минут… – Я посмотрел на часы. – Надя, ты останешься. У вас еще будет физкультура и хор.

– Папа! – закричала Надя негодующе. – Папа, ну хватит, ты шутишь!

– Школа – это не шутка, – сказал я. Украдкой посмотрел на присутствующих.

Завулон искренне веселился. Светлана едва заметно улыбалась. Надя… Надя кипела. Гесер был серьезен, лишь уголки губ дрогнули.

– Ты совершенно прав, Антон, – сказал шеф. – Но… нам потребуется выслушать рассказ твоей дочери. Так что я снимаю ее с уроков.

– Спасибо, дядя Гесер! – обрадованно сказала Надя. И скорчила мне гримаску.

Завулон встал, потянулся. Придержал сползающую набок спящую отличницу, рядом с которой сидел. Сказал:

– А ведь милая девчушка… Если снять очки, сделать хорошую прическу – красавица выйдет. Как ее зовут, Надя?

– Ее зовут А-пошел-ты! – возмущенно сказала Надя.

– Завулон, девочке лет четырнадцать, – заметила Светлана.

– Ну так пожалуйся на меня Астахову, – хохотнул Завулон. – Для моего возраста что четырнадцать, что девяносто четыре – одинаково ничто… Да не бойся, не бойся, не собираюсь я соблазнять эту школоту. Таких на пятачок дают пучок, если уж потребуется.

Подумать всерьез, что Завулоном вдруг овладела половая озабоченность, да еще настолько, что он принялся вслух рассуждать о сексапильности Надиной одноклассницы, я никак не мог. Значит, валяет дурака. Либо кого-то провоцирует, либо от чего-то отвлекает. Увы, сейчас это не поймешь.

– Прошу вас. – Завулон взмахнул рукой, открывая портал. Тот был пижонским – открывался вслед за взмахом его руки и выглядел как темно-серебристое зеркало с поблескивающими в глубине искрами.

– Тебя погубит страсть к дешевым эффектам, – буркнул Гесер, первым проходя в портал.

– Если бы дешевым! – вздохнул Завулон, жестом предлагая пройти нам. – Ах, если бы…

Я взял за руку дочь и шагнул в темное зеркало.

* * *

Раньше офис Дневного Дозора располагался на Тверской улице, недалеко от Кремля. Как шутили у нас в Дозоре – «подпитываются негативной энергией».

Не думаю, что негативной энергии в центре Москвы стало меньше, но пару лет назад Темные перебрались в Москва-Сити, откупив три этажа одного из офисных

небоскребов. Разумеется, ни в том, ни в другом офисе Темных я не был. Полагаю, что в физическом теле там не бывал даже Гесер. Во всяком случае, когда мы оказались в средоточии московских Темных, то Гесер стоял и озирался с выражением явной растерянности на лице.

Дневной Дозор Москвы помещался в огромном светлом зале с низенькими, по грудь, перегородками. В образованных этим лабиринтом закутках сидели за офисными столами молодые колдуны и пожилые ведьмы, мрачные вампиры и дурашливые оборотни, боевые маги и целительницы.

– Однако, – сказал Гесер. – Завулон, ты и впрямь идешь в ногу со временем. Пожалуй, даже опережаешь на шаг-другой.

– Нельзя в двадцать первом веке вести себя так, как в пятнадцатом, – сказал появившийся следом Завулон. – Или в двадцатом. Если хочешь, я сведу тебя с владельцем здания…

Никто из Темных на наше появление не реагировал, похоже, были предупреждены. Нет, они косились, конечно же. Некоторые, понахальнее, пытались смотреть сквозь Сумрак. Но в целом в помещении царила бодрая рабочая атмосфера, характерная для какого-нибудь издательства или конторы по заготовке рогов и копыт.

– Меня вполне устраивает наше здание, – сказал Гесер.

– Конечно, замечательная подземная темница, склады, архив… все как положено Светлым, – пробормотал Завулон. Он был все в том же взбудораженном состоянии. – Прошу в переговорную. У нас, как вы видите, концепция опен-спейс, открытого пространства. Хорошо сближает коллектив, способствует дружескому соревнованию в работе. Но нам сейчас стоит поговорить приватно…

* * *

Нет, я не ждал, конечно же, что в офисе Дневного Дозора варят зелья в человеческих черепах и разрезают девственниц на столах из черного мрамора. У нас тоже не ходят с благостными лицами и не разговаривают приторно-сладкими голосами на высокоморальные темы. Но вот так… настолько по-

деловому! Какая вожжа попала под хвост Завулону?

Переговорный зал был прекрасен и хоть в какой-то мере примирял меня с современным минималистским интерьером Темных. Строгое помещение со стенами из черно-серого тропического дерева. Огромная стена-окно с видом на Москву-реку закрыта тяжелыми шторами из багрового бархата. Стол – старый, как минимум столетней давности, покрытый выцветшим от времени зеленым сукном. Стулья тоже «винтажные».

– Из Кремля брал, – сказал Гесер, без спроса садясь во главе стола. Сказал, а не спросил.

– Конечно, – признал Завулон, садясь напротив.

Наша семья как-то сама собой оказалась между ними.

Я сел ближе к Завулону, Светлана – к Гесеру. Надя оказалась между нами.

– Рассказывай, Антон, – попросил Гесер.

Я вздохнул:

– Могу я рассчитывать, что вы будете откровенны в ответ? Вы… оба?

– Да, – немедленно сказал Завулон. – Можешь. Все, что я знаю о происходящем, я скажу.

Гесер поморщился, но кивнул.

– Надя за завтраком сказала мне, что ее охраняют трое. От обоих Дозоров и Инквизиции, причем Инквизитора мы с женой не замечали, – сказал я. – А Светлана, когда провожала Надю в школу, заметила двух Темных и Светлого.

– Ты решил, что это та вампирша, – сказал Гесер.

– Да, мы так решили, – кивнула Света. – И были правы… хотя бы в этом.

– Дальше все просто, – продолжал я. – Кинулись в школу…

– Почему не открыли портал? – спросил Завулон.

– Порталы на территории школы заблокированы, – хмуро сказал Гесер. – Оттуда – можно, туда – нельзя. Я снял защиту для нас с тобой персонально, Завулон.

– А почему не бежали через Сумрак? – продолжал допытываться Завулон. – Время бы сэкономили.

– Вход в Сумрак тоже закрыт, – сказал я. – Максимум добежали бы до ограды школы. Это… все равно что включить сирену, подъезжая.

– Разумно, – одобрил Завулон.

– Во дворе лежал убитый Инквизитор. Мы подумали, что это сделала вампирша…

– Каким бы образом вампир мог нанести такие раны… – пробормотал Гесер. К счастью, это был не вопрос. Наверное, согласился списать нашу глупость на родительскую панику.

– Вбежали в школу, увидели раненого охранника, спящих детей… Кинулись наверх.

– Дальше не надо, там мы уже все видели, – любезно сказал Завулон.

Вот же негодяи! Весь наш отчаянный бой шел у них на глазах.

– Надя, что помнишь ты? – спросил Гесер.

Надя вздохнула.

– Почти ничего. Шел урок. Потом… во дворе был выплеск Силы. Очень мощный. Я даже решила укрыться «сферой невнимания» и выйти посмотреть… Ну, мам, а что такого? Ситуация же особенная…

– Продолжай, – сказал Гесер.

– Но тут через Сумрак пошла… – Надя задумалась на миг. – Волна. Что-то приближалось. Я не видела, только чувствовала опасность. Поставила «сферу», вскочила, кинулась к окну. Я подумала, что надо выпрыгнуть, слевитировать… И все. Через миг меня папа разбудил и крикнул, что маме нужна помощь.

– Мы просто купаемся в информации! – сказал Завулон радостно. – Надо отметить. Никто не против кофе? Сигары? Может быть, коньяк?

Несколько секунд висела тишина. Потом Гесер спросил:

– Завулон, когда я тебя позвал, ты не злоупотреблял какими-нибудь средствами для расширения сознания?

– Что? – возмутился Завулон.

– Ты не пил виски на дегустации в Лондоне? Не глотал таблетки на вечеринке в Таиланде? Не нюхал кокаин в Лас-Вегасе?

– Я работал над документами, – обиженно сказал Темный. – Масса бюрократической волокиты. Я просто счастлив вырваться из этого унылого бумагомарательства… Извини, Гесер, но ты меня обижаешь!

Начальники Ночного и Дневного Дозоров буравили друг друга взглядами. Оба чего-то недоговаривали. Оба хитрили. Оба валяли дурака – только каждый в своей манере. Как всегда, в общем.

– А теперь я хочу услышать то, что скажете вы, – сказал я. – И если мне покажется, что вы… не важно, кто из вас… недоговариваете – я беру жену, дочь и сваливаю отсюда.

– Куда? – заинтересовался Завулон.

Я широко улыбнулся ему.

– Туда, где нас никто не найдет, – холодно сказала Светлана. – Хватит, Великие. Вы долго играли нами втемную… оба. Теперь сыграете всветлую – или мы будем сами разбираться со своими проблемами.

– Что случилось с охраной? – спросил я. – Кто эта вампирша и почему она пришла нам на помощь? Почему вы, Великие и мудрые, боялись показаться?

Гесер и Завулон смотрели друг на друга.

– Давай ты, – сказал Гесер. – У тебя легче получается говорить правду.

Завулон кивнул. На миг задержал взгляд на Наде – будто колебался, стоит ли говорить при ней. Но выгонять ее не стал.

– У нас кризис, Антон. Серьезнейший кризис за последние две… самый серьезнейший на моей памяти, а я помню многое.

– Серьезнее, чем Тигр? – спросил я недоверчиво.

– Час назад все пророки и все Высшие предсказатели выдали одно и то же предсказание, – сказал Завулон.

– Чьи пророки и предсказатели? – резко спросил я. – Темных?

– Темных. Светлых. Какая в общем-то разница? – Завулон иронически улыбнулся.

– Это как раз когда я позвал на помощь… – понял я.

– Нет. Чуть раньше. Как раз когда вокруг школы, где учится Абсолютная, началось побоище.

– Понятно, – кивнул я. Значит, к моменту моего призыва о помощи Светлые уже пытались разобраться с предсказанием. И Темные тоже. И наверное, оперативные штабы работали сами по себе, а Гесер и Завулон уже обсуждали происходящее приватно… хотя нет, Гесер же спросил Завулона, где тот был… – Какова зона пророчества? Москва? Область? – Меня вдруг обожгло неприятным предчувствием. – Россия?

– Ты невнимательно слушал, – внезапно вступил в разговор Гесер. – И я тебе неоднократно говорил – оставь в прошлом человеческую географию…

– Все Иные, Антон, – сказал Завулон. – Все Иные пророки и все Высшие Иные-предсказатели. Все в мире. Хорошо, что таких не много.

Я облизнул пересохшие губы. Способности к предсказанию есть в каждом из нас. В самом грубом виде «просчитывание вероятности», когда даже слабенький Иной (порой неинициированный) знает, где на дороге будет пробка или на какой самолет не стоит садиться.

Для Высших Иных – включая и меня – становится возможным сознательно предвидеть вероятность того или иного события. Тут только очень важно заранее понимать, какие события вообще имеют вероятность случиться…

Предсказатели видят будущее постоянно. Даже неосознанно. Их мир – это колышущееся месиво из вероятностей человеческой истории. В этом вареве Украина воюет с Россией за Крым, президент Обама принимает ислам, папа римский совершает каминг-аут, в Нидерландах законодательно разрешают каннибализм в лечебных целях. Ну и куда более невероятные события для предсказателей тоже реальны.

Единственное, чего не видят предсказатели, – это судеб Иных. Все мы, ходящие в Сумрак, скрыты для них. Наши жизни, наши поступки не читаются так просто.

Нас видят пророки. Они вообще видят все. К счастью – не всегда и обычно не прицельно. Пророка нельзя попросить увидеть «что-то» – он сам (ну или Сумрак за него) решает, что пророк увидит и как сообщит миру.

– Что предречено? – спросил я, даже не удивляясь той старомодно-вычурной фразе, что слетела с моих губ. Она была сейчас уместной.

– Пролито не напрасно, сожжено не зря. Пришел первый срок. Двое встанут во плоти и откроют двери. – Завулон внезапно осекся. Он смотрел на меня, и в его взгляде, во взгляде давнего, безжалостного, неизбывного врага, я отчетливо прочитал… ну ладно, не жалость. Сочувствие. Но какое-то унылое, и к себе тоже. Так могла бы смотреть первая скрипка на второго тромбона, стоя на палубе

тонущего «Титаника».

– Три жертвы, на четвертый раз… – сухо сказал Гесер, глядя на нас.

– Пять дней остается для Иных, – сказал Завулон.

Я почувствовал, как Светлана обняла нашу дочь, прижимая к себе. Я не пошевелился.

Я как-то перестал любить красивые жесты в последние годы. И красивые слова – тоже. А пророчества – они всегда избыточно красивы.

– Шесть дней остается для людей, – сказал Гесер.

– Для тех, кто встанет на пути, – не останется ничего, – добавил Завулон.

И вдруг улыбнулся ослепительной улыбкой.

– Шестой Дозор мертв, – продолжил Гесер. – Пятая сила исчезла. Четвертая не успела.

– Третья сила не верит, вторая сила боится, первая сила устала, – закончил Завулон.

Несколько секунд висела тишина. Потом Надя спросила:

– Вы репетировали?

– Что? – переспросил Гесер, будто не услышал.

– У вас так складно выходило. Один закончил, другой начал.

– Это пророчество, девочка, – сказал Гесер. – Пророчество, которое только что озвучили все пророки Земли. Я полагаю, что вам грозит смерть. Тебе, твоему отцу и твоей маме. Вы – те трое, за которыми пришли двое.

– Я поняла, – сказала Надя. – Все почти открытым текстом… для пророчеств. Нашу семью идут убивать. Через пять дней умрут Иные. Еще через день – умрут все люди. Это отсчет дней от пророчества или от нашей смерти?

– Мы пока не смогли точно понять, – сказал Завулон извиняющимся тоном. – Возможно, отсчет уже пошел, возможно – был сорван, когда ты уцелела. Все пророчества нарочито туманны…

– И поэтому вы, едва прозвучал наш вопль о помощи, явились наблюдать, а не помогать, – сказала Светлана ледяным голосом. – Чудесно. Гесер, ну ты же знаешь, какого я о тебе мнения, да?

Гесер заерзал на удобном широком стуле. Казалось, что ему одновременно хотелось и начать извиняться, и рявкнуть что-нибудь резкое.

– Света, перестань, – попросил я. – Хорошо. Гесер, Завулон, мы вас услышали. Я признаю обоснованность вашей осторожности. Мы все умрем, я понял. Теперь я хотел бы узнать, что вы поняли, наблюдая за происходящим, какую помощь готовы нам оказать и есть ли в архивах Дозоров и Инквизиции хоть какие-то материалы по данной теме?

Гесер посмотрел на Завулона. Завулон посмотрел на Гесера.

– Твою налево… – внезапно выругался Завулон, что было для него совершенно нехарактерно. – Ну, ты его подготовил, я уверен…

– Не мухлюй, – сказал Гесер.

Завулон опустил руку под столешницу – и извлек ее оттуда уже не пустой. В его ладони была старая, потемневшая, закопченная курительная трубка, вырезанная то ли из камня, то ли из давно окаменевшего дерева.

– Гони, Темный, – сказал Гесер.

Завулон молча протянул ему трубку.

– Может, еще скажешь, что именно Мерлин из нее курил? – спросил Гесер, явно наслаждаясь торжеством момента. – Табака тогда в Европе не было.

– Тебе ее в руках противно станет держать, если я скажу, что именно он курил, – буркнул Завулон.

Гесер усмехнулся и спрятал трубку в карман пиджака.

– Так это все была ложь? – спросила Светлана напряженным голосом.

– Нет, – ответил Гесер. – Чистая правда. Но я все-таки рискнул побиться об заклад, что ни Антон, ни вы с Надей не начнете паниковать. Курительная трубка Мерлина – это уж слишком желанный приз. Даже если обладать им осталось всего пять дней.

Глава 4

Хуже всего было то, что ни Гесер, ни Завулон ничего особенного в Иных-предателях не заметили. Это были именно они – Светлый маг Денис и Темный маг Алексей. Во всяком случае, их ауры остались прежними. И даже уровень их Силы – на взгляд со стороны – не изменился. Третий у Дениса, четвертый у Алексея. Но при этом они оперировали такими энергиями, что Великие предпочли избежать боя.

– Я бы определил их как Высших, – сказал Гесер. – Но не по аурам, по силе заклинаний.

– И сами заклинания совершенно необычные, – добавил Завулон. – Я ни разу не сталкивался ни с чем подобным.

– Может быть, они замаскировались? – предположила Светлана.

Гесер тяжело, недовольно посмотрел на нее.

– Может быть. Только видишь ли, Света… Ты от меня замаскироваться не сможешь. Как и я от тебя. Вот Наденька – она сумеет. Маскировка возможна только у более сильного Иного.

– Так что же, они тоже «нулевые»? – спросила Надя. – Как я?

– А ты сама что почувствовала? – заинтересовался Гесер.

– Я вообще не поняла, кто это, – призналась Надя. – Только приближающаяся Сила… и чувство опасности. Как цунами.

– Похоже это на Тигра? – вдруг спросил Завулон.

Надя энергично замотала головой:

– Нет! Тигра вообще почти не видно было. Только… рябь такая… – Она пошевелила в воздухе пальцами. – Если приглядеться.

Беда с этими описаниями неописуемого. Наде три года было, когда она поставила меня в тупик словами: «Второй слой Сумрака – он соленый!»

– Значит, это не Сумрак, – сказал Завулон. – Ну, скорее всего.

– Нас хочет убить неизвестно кто и неизвестно почему, – сказал я. – Замечательно. И самые великие маги России ничего не могут понять. А вампир?

– Вампирша, – уточнил Гесер. – Увы, Антон. Это была Высшая вампирша в атакующей фазе. Пытаться ее разглядеть – все равно что считать взмахи крылышек у колибри, зависшего над цветочным бутоном.

Завулон с удивлением повернулся к Гесеру. Достал из кармана пиджака сигару (уже зажженную), затянулся, после чего сказал:

– Враг мой. Сегодня удивительный день. Скажи, ты никогда не подумывал начать писать стихи?

– О чем ты? – поразился Гесер. – Мелкие колибри делают до ста взмахов крыльями в секунду, что превышает физиологические возможности человеческого зрения. Вампир в атакующей фазе достигает скорости до ста пятидесяти – ста восьмидесяти километров в час, что на коротких расстояниях делает его неразличимым. Мне кажется, я очень четко и адекватно охарактеризовал ситуацию.

– А… – сказал Завулон. – Понятно. Проехали, мне показалось… Да, Антон, твой шеф прав. Это была Высшая вампирша, разглядеть ее было нереально.

– Доказательств тому нет, но исходя из бритвы Оккама – очевидно, что та самая, – добавил Гесер.

– Какая та самая? – заинтересовался Завулон.

– Не важно, – махнул рукой Гесер. – Была у нас на днях серия… инцидентов. Антон как раз ею занимался.

– Серия инцидентов с вампиром? – Завулон приподнял бровь. – И вы не заявили протест? Любопытно…

– Не важно, не важно, – повторил Гесер таким фальшивым тоном, что ему не поверил бы и ребенок. – Очевидно, вампирша решила защитить Антона в надежде на снисхождение… Я обязательно буду держать тебя в курсе…

Завулон ухмыльнулся. Я не сомневался, что теперь весь Дневной Дозор кинется искать вампиршу. Похоже, этого Гесер и добивался.

– Значит, все пророки в мире сговорились и предвещают конец света, – сказал я. – Простите, Завулон… конец света и тьмы. На мою семью напали сошедшие с ума Темный и Светлый, причем они орудуют такими Силами, что два Высших мага России предпочли наблюдать, но не вмешиваться в происходящее. И этих спятивших предателей отогнала Высшая вампирша, инцидентами с которой я занимался… Просто великолепно. Что посоветуете, Великие?

– Антон, ты мне ничуть не симпатичен, – искренне сказал Завулон. – Но твоя дочь очень важна. Обидно, что она Светлая, но раз уж так вышло – пусть будет

Светлой. Поэтому я склонен защищать тебя и твою семью. Опять же, я уверен, что ваши жизни как-то связаны с жизнями всех Иных… да и всех людей, если уж на то пошло. Так что… предлагаю защиту и покровительство в стенах Дневного Дозора.

Я хмыкнул.

– Завулон, дорогой, поверь, что я сам сумею обеспечить безопасность своих сотрудников, – сказал Гесер. – Хотя, конечно, буду рад видеть твоих упырей… во внешнем кольце оцепления. Похоже на то, что наши спятившие сотрудники беззащитны перед вампирами. Очень странная, но интересная ситуация! Будем работать!

Я посмотрел на Светлану. Она едва заметно кивнула. Я взял Надю за руку и дважды надавил ей на мизинец.

– Хорошо, папа, – сказала дочь.

Вокруг нас затрепетали синие потрескивающие полотнища света. Стол развалился на части там, где они пронзили дерево. Под нашими ногами задымился узорчатый паркет из карельской березы. Потолок пошел трещинами.

– Прекрати! – рявкнул Завулон, вскакивая с места.

– Песок и маятник, папа, – внезапно сказала Надя.

Мгновение я смотрел на нее. Потом решил, что понял.

И ответил:

– Утром восходит синяя Луна.

Гесер нахмурился. Он продолжал спокойно сидеть, глядя на нас, но последние фразы явно были непонятны и вывели его из себя.

Перед нами раскрылся темный провал портала. Мы встали, я отпихнул ногой стул – тот влетел в стены из синего света и рассыпался щепой.

– Извините, Великие, – сказал я. – Но в силу сложившихся обстоятельств я вынужден взять безопасность своей семьи в свои руки.

Светлана шагнула в портал первой, не выпуская руки дочери. За ней пошла Надя, а следом, продолжая сжимать ее ладонь, я. Если бы я хоть на долю секунды отпустил руку дочери – портал перемолол бы меня в фарш.

– Я же тебе говорил, Темный, – донесся до меня голос шефа. – Кисет Мерлина, будь так добр!

К сожалению, я вошел в портал, который сомкнулся за моей спиной, и не услышал то, что ответил Гесеру Завулон.

* * *

Вокруг было темно. Я поднял свободную руку, помахал ею в воздухе. Никакого эффекта. Тогда я засветил на кончике пальцев «светлячка» – самое, пожалуй, простое из всех заклинаний.

Ровный белый свет залил просторную комнату. Датчик движения на стене, похоже, вышел из строя. Все-таки я не появлялся здесь два года. Я прошел к стене, щелкнул выключателем. Свет был – под высоким потолком включилась люстра. Старая уродливая люстра из гнутых латунных трубок и рожков из мутного белого стекла. Сделана небось где-нибудь в середине двадцатого века.

– Что за синяя Луна, папа? – спросила Надя.

– А что за песок и маятник?

– Ну… я подумала, что если ляпну какую-нибудь чушь, – сказала Надя, – то Великие будут пытаться найти в ней скрытый смысл. И меньше шансов, что они отследят портал.

– Я понял. И решил поддержать.

Светлана тем временем обходила комнату. Ничего особенно интересного в ней не было. Мебель древняя, югославский гарнитур тех времен, когда Югославия еще была большой страной, а не кучкой враждующих территорий. Два дивана. Окно задернуто тяжелыми пыльными шторами. Светлана отдернула штору – за ней была кирпичная стена. Единственной относительно современной вещью был плоский телевизор, впрочем – дешевый и непритязательный.

– Это что за город? – спросила Светлана.

– Я же рассказывал. Питер.

– Точно, – она кивнула, – совершенно не чувствую окружающую ауру.

– Мы старались, – обрадовалась Надя.

Эту квартиру в центре Санкт-Петербурга я купил три года назад, после чего долго и скрытно маскировал. Привлекла она меня тем, что находилась в старом доме девятнадцатого века, который много раз перепланировывали, перестраивали, дробили просторные «барские» квартиры на коммуналки и отдельные клетушки. Где-то в пятидесятых годах и возникла эта странная квартирка – с заложенным кирпичом окном (все равно окно выходило в мрачный темный двор-колодец), крохотной ванной комнатой (сидячая ванна из чугуна и стоящий к ней впритык унитаз). Кухни как таковой не было, имелось что-то вроде просторного шкафа, в котором помещались электроплитка и крохотный столик.

Раньше здесь жила древняя бабушка, происходившая из богатой купеческой фамилии. Кажется, ее предки владели не то всем домом, не то парой этажей в нем. Бабушка пережила революцию, Гражданскую войну, блокаду Ленинграда, преподавала французский язык и переводила с него какие-то книжки, жизнь проводила в одиноком девичестве, при этом щедро одаривая соседских детей сладостями и игрушками. Жизнь в маленькой комнате без окна и кухни ее ничуть не смущала.

А потом, в шестидесятые годы, уже перед пенсией, она ухитрилась получить разрешение – и уехала в Париж, где и прожила еще четверть века, напоследок успев дважды выйти замуж за французов и со скандалами с ними развестись. В свою странную квартиру она перед этим прописала какого-то дальнего

родственника. В общем – интересная судьба, можно лишь руками развести.

Родственник пытался в квартире жить, обставил посовременнее, разобрал кирпичи, открыв окно в темный дворик. Через полгода он не выдержал и заложил окно обратно. Еще через полгода запил. Потом поменял квартиру, в которой, похоже, уютно себя чувствовала только старушка, на квартиру в пригороде.

Новый хозяин благоразумно в квартире жить не пытался, а вместо того пытался, зацепившись за этот дорогой и красивый дом, откупить себе соседские комнаты и объединить в одну квартиру. Но так у него ничего и не вышло. Квартиру использовали как место свиданий, как залог, как подарок новобрачным, как склад для всякого барахла. Может быть, и для более темных дел – я не проверял.

Потом ее купил я – через подставного человека. И в течение месяца стирал все следы квартиры из окружающего мира. Нет, она по-прежнему проходила по городским документам, я платил за освещение и воду (точнее – деньги сами уходили с заведенного анонимного счета электронной валюты). И среди дверей на лестничной клетке была старая деревянная дверь, ведущая в странную квартиру.

Вот только многослойные завесы защитных и маскировочных заклинаний скрыли квартиру от всех – и Иных, и людей.

Светлана здесь даже не появлялась. Нет, в целом она мою идею одобрила – абсолютно защищенное место, про которое не знает даже Гесер… У каждой женщины еще с пещерных времен есть потребность иметь надежную нору. Но обустройство убежища она полностью доверила мне – как организатору, и Наде – как бесконечному источнику Силы.

– Телефон работает, – сказал я, поднимая трубку старого проводного телефона. Прошел в крохотную ванную комнату. – Вода… вода есть… только спустить надо, – глядя на ржавую жидкость, текущую из крана, признал я.

– Телевизор, – гордо сказала Надя. – Это я папу заставила телевизор поставить. Тут был «Горизонт» старый. Вот такой! – Она развела руки. – Он работал, но он даже не цветной был!

– В унитазе надо спустить воду много раз, – сказал я. – Там налито масло в качестве гидрозатвора. В душе тоже. Еда в шкафчике на кухне – консервы, галеты, супы в банках, сахар, чай, кофе.

– Мне не нравится, к чему ты клонишь, – сказала Светлана.

– Еще там есть бутылка коньяка и несколько бутылок вина, – сообщил я.

– Все равно не нравится.

– Света, что бы ни случилось с теми охранниками – они в первую очередь охотились на Надьку, – сказал я. – Это место не известно никому и максимально защищено. Я думаю, что оно надежнее дозорных офисов.

– Пап, а что на диске? – спросила Надя, поднимая компьютерный винчестер с телевизионной тумбочки.

– Кино. Все то, что ты любила три года назад. Мультики и сказки.

– Папа! – возмутилась Надя.

– Извини, я не подумал обновить видеотеку, – сказал я. – А то залил бы на диск аниме и фантастику.

Надя надулась.

– Я согласна, что Наде стоит остаться здесь, – сказала Светлана задумчиво. – Но с какой стати мне…

– Чтобы наша дочь не сделала какую-нибудь глупость, – пояснил я. – Извини, Надя. Но я бы не хотел, чтобы ты из-за дурного предчувствия или просто от скуки вышла отсюда – и наткнулась на тех двоих… Останьтесь здесь, девочки. Я приду за вами через день-два. А пока спрячьтесь.

Светлана кивнула. Неохотно, раздраженно, но соглашаясь с моей логикой.

– Что ты будешь делать?

– Все то же, что обычно, – сказал я. – Искать плохих ребят и защищать хороших парней.

– Тебе нужен пророк, – сказала Надя.

– Да, доча. И он у нас есть.

Надя кивнула.

– Еще больше тебе нужна боевая поддержка, – сказала Светлана. – Извини, но… один ты не справишься.

– У меня есть идеи и на этот счет, – сказал я. – Не волнуйтесь.

– Связь? – спросила Светлана.

– Никакой, – сказал я. – Все можно отследить. Я… загляну к вам через сутки. Сделаешь кофе, ладно?

Светлана кивнула. Потом порывисто обняла меня. Надя фыркнула и отвернулась, разглядывая винчестер, будто могла на взгляд прочитать его содержимое. Хотя я бы не стал зарекаться, возможно – она и могла.

* * *

Портал, который открыла по моей просьбе Надя, вывел меня обратно в переговорную комнату.

Там ничего не изменилось – только попавшийся под горячую ногу и развалившийся стул убрали.

А так – Завулон сидел, мусоля в губах сигару, Гесер старательно набивал трубку Мерлина содержимым кисета Мерлина.

– Вернулся, – даже не глядя на меня, сказал Гесер. – Что ж, не могу тебя осуждать. Рано или поздно каждый из нас понимает, что тайное убежище – полезная вещь.

– На мое возвращение вы не спорили? – поинтересовался я.

– Нет, – ответил Завулон. – Вот в том, что ты вернешься, я был уверен. Я не ожидал, что у тебя хватит ума спрятать родных.

По его меркам это был серьезный комплимент.

– Я готов слушать дальше, – сказал я, садясь.

– Дальше ничего нет, – ответил Гесер.

– Как нет? Что случилось с нашими ребятами? Что с вампиршей?

– Все аналитики уже за работой, – ответил Гесер. – Но пока мы знаем не больше твоего. Можешь подключиться к ним, можешь работать самостоятельно. Могу придать тебе несколько человек.

– Тоже готов помочь, – согласился Завулон. – Можешь и к моим аналитикам присоединиться.

Кажется, он не шутил.

– Гесер, я прошу разрешения на ведение самостоятельного расследования, право на привлечение любого из сотрудников Ночного Дозора, пользование архивами, спецхраном, первоочередного рассмотрения моих запросов учеными.

– Ты получаешь это право, – сказал Гесер. Протянул руку в сторону Завулона, раскрыл ладонь.

– Чего? – недоуменно спросил Завулон. – Клясться Тьмой и Светом?

– Спички дай.

– А, – Завулон достал из пиджака коробок спичек, – держи, эстет.

Гесер молча зажег спичку, подержал чуть, давая выгореть головке, потом стал аккуратно прикуривать трубку.

– Ты точно не хочешь знать, что куришь? – спросил Завулон.

– Нет. Мне достаточно того, что Мерлин это курил.

Завулон пожал плечами.

– Темный, у меня есть просьба и к тебе, – сказал я.

– Слушаю.

– Мне нужна машина, – сказал я. – Я сейчас поеду в школу, посмотрю на следы, поговорю с нашими, кто там работает…

Завулон достал ключи и бросил мне через стол:

– Держи. Можешь не возвращать, она мне уже надоела.

– Спасибо, – кивнул я. – Второе: мне нужно, чтобы твои аналитики и архивисты отвечали на мои запросы.

Завулон подумал.

– Хорошо. Но они будут отвечать только на запросы, касающиеся происходящего.

– Разумно, – согласился я. – Третье…

Завулон засмеялся:

– Ты вырос, Антон. Лет пятнадцать назад ты бы вообще ничего от меня не принял… А теперь «хочу здоровья, денег и потенции – это во-первых…».

– Нет, всего три пункта, – успокоил я его. Покосился на Гесера – дымок от трубки шел неприятный, едкий. Но Гесер с невозмутимым каменным лицом курил. – Машина. Информация… Хоть сколько-то информации, я понимаю, что ты придержишь часть. И третье: я должен поговорить с самым старым вампиром.

Завулон нахмурился.

– Любопытно. Возможно, тебя устроит мастер вампиров Москвы? Или глава европейской организации?

– Мастер Екатерина слишком молода, – сказал я. – Ей и двухсот нет, верно? Мастер Петр постарше, но он давно не у дел и, говорят, не вылезает из гроба. Мне нужен не обязательно главный, но как можно более старый.

– Впечатлен, – признал Завулон. – Но скажу тебе по секрету – это очень хорошо, что Петр свихнулся на воздержании и большей частью спит в своем склепе. Всем проблем меньше… Хорошо, Антон. Я примерно понял, кто тебе нужен и как я его уговорю к тебе прийти. Но вот на откровенность его выводи сам, тут моей власти нет.

Я кивнул.

– Вечером будь у себя дома, – сказал Завулон. – Я позвоню тебе, если что-то вдруг сорвется. Но полагаю, что все будет в порядке, и тебя навестят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sergey-lukyanenko/shestoy-dozor-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить